

Агагельды
Алланазаров

ОЧАГ

12+

Агагельды Алланазаров

Очаг

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Алланазаров А.

Очаг / А. Алланазаров — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Автор воссоздаёт события начала XX века, рассказывая о том, как населявшие южные районы Туркменистана наполовину кочевые семьи принимали новую советскую власть, о колхозном строительстве и тяжёлой судьбе тех людей, которые подвергались репрессиям, унижениям и которых ссылали в далёкие края. «Очаг» представляет собой не до конца раскрытые и не полностью отражённые в произведениях страницы истории жизни не только туркменского, но и многих других народов прежнего Союза, волею жестокой судьбы разбросанных по всей стране. Эпоха и судьбы народов находят в романе глубокое и широкое осмысление.

Содержание

Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Посвящается деду моему Оразгелди сыну Кымьши Гаплана, бабушке моей Огулджума – дочери Мамед-Хана Дудежи, отправленных в ссылку в 30-е годы в дальние края и там оставшихся навсегда.

В 1917-1930 годах число сосланных из Туркменистана раскулаченных баев превысило 900 человек, в те же годы в поисках лучшей доли из республики выехало около 4 миллионов человек.

(Историческая справка)

Глава

I

Состоящие из шести стен-крыльев три белые кибитки семьи Кымыш-дузчы (дузчы – человек, имеющий дело с солью – занимающийся добычей, очисткой, продажей) выстроились в ряд в начале села. Кибитки были поставлены близко друг от друга, к тому же чуть выше от окружающих домов, их приподнятые крыши были похожи на устремлённые в небо купола, отчего напоминали не жилища человека, а соединённые друг с другом мечети и медресе.

Арык, берущий своё начало вдали от села, у истоков Мургаба, отобрав у полноводной реки часть воды, ещё какое-то время кружив по равнине, дойдя до обрыва, оттуда резко разворачивается в обратную сторону и течёт на север, спускаясь в низину между холмами Пенди и селом Союнали. Уже оттуда, облизывая нижнюю часть холма, на котором стоят кибитки Кымыш-дузчы, несёт свои бурные воды и дальше.

Как сам Кымыш-дузчы, его дома тоже выглядели гордо и величаво

К южной окраине села Союнали плотно подступали холмы Пенди – раскинувшейся с севера на юг пустыни, они чувствовали себя здесь хозяевами, в то время как северную окраину заняли холмы Гарабила, и чем южнее они поднимались, тем выше к небу тянулись их вершины. Потому-то Союнали не было похоже на обычное село, оно больше напоминало окружённую высокими стенами крепость. По ночам окрестные холмы были похожи на караванных верблюдов, разгрузившихся и присевших возле села на отдых, чтобы ещё до наступления рассвета загрузиться мешками и тихонечко продолжить путь.

В среднем из трёх своих домов жил сам Кымыш-дузчы со своей старухой и подростками детьми своих сыновей, а каждый из боковых домов занимали его сыновья с малыми детьми.

В этой долине союналийцы жили на протяжении двух-трёх человеческих поколений. Они выкорчевали окружавшие село заросли, осушили топкие болота, в которых плескались дикие кабаны, и в течение многих лет своим тяжким трудом возделывали землю, превращая её в прекрасную пашню, которая в последние годы щедро делилась с людьми выращенным урожаем. Может, поэтому союналийцы были так сильно привязаны к своей земле, не мыслили своей жизни вдали от неё и свою дальнейшую судьбу связывали только с ней.

Кымыш-дузчы не владел несметным числом голов скота, не был старейшиной села, он просто жил достойно и был уважаем всеми. В селе его семья имела средний достаток. Он зарабатывал его тяжким трудом в течение сорока лет. В сорок лет он женился на 28-летней дочери Гурбан бая Огулджемал, вместе с ней вырастил двух сыновей и приобщил их к труду. В глазах своих односельчан он был честным тружеником. Удача улыбнулась ему, когда стал разводить крупный рогатый скот. Сейчас в его собственности было около пятидесяти коров, а в отаре паслось ещё полсотни голов овец. И вот уже много лет его две невестки – жёны сыновей доили возле дома порядка десяти-пятнадцати отелившихся коров. Кымыш-дузчы и прежде не был человеком бедным, но после того, как женил сыновей на дочерях состоятельных односельчан, стал ещё зажиточнее.

Старшему сыну он взял в жёны одну из дочерей почитаемого всеми небедного Маммет хана из племени дуечи, младшего сына женил на одной из хорошо воспитанных дочерей Яз бая.

Вот тогда-то, после шестидесяти с лишним лет непростого существования без особого достатка, наступила нынешняя пора жизни Кымыш бая – спокойная, достойная, состоятельная. Сам Кымыш-дузчы к этому времени был человеком преклонного возраста: белая борода, в руках трость, поверх свободной рубахи из белого миткаля был накинут халат – дон. Старик ходил немного согнувшись, и отдалённо напоминал ангела.

И всё равно, даже состарившись, он не отстранился совсем от домашних забот, пока сыновья пахали в поле, старик присматривал за домашней скотиной. Оседлав своего ослика, выходил в поле и доверху нагружал его стогами с накошенной травой.

Сыновьям, которые исправно выполняли все необходимые дела, не очень-то нравилось, что их старый отец занимается нелёгким трудом, ездит за травой для скота. Им хотелось, чтобы отец наконец-то отдохнул по-настоящему, ведь ему многое в этой жизни досталось нелегко. Испытывая чувство вины и жалея его, сыновья старались найти для отца нужные слова.

– Отец, пора бы вам уже и на заслуженный отдых. Мы ведь всё, что надо, делаем сами...

Зачастую большинство из тех, кто считал себя стариком, начинали верить в то, что они дошли до финишной черты и надо готовиться к уходу, а потому ходили от дома к дому, посещая все религиозные мероприятия – садака, свадьбы, не отказывались ни от каких других приглашений, постепенно превращаясь в толпу сельских суфиев. Но Кымышу-дузчы такие «суфиевские» походы почему-то были не по душе. Совсем не нравилось ему прятаться в доме будто бы в ожидании смерти. О своём положении Кымыш-дузчы говорил с юмором, поддевая жену: «Если я, не выходя из дома, неделю-другую проведу рядом с Джемал, то начну говорить её словами и заниматься женскими делами: месить тесто, раскатывать его, печь лепешки, корочке, и сам превращусь в женщину». На что бабушка Джемал тут же парировала: «А кто тут готов доверить тебе тесто и скалку?».

Каждый раз, когда в народе заводили разговор о состоятельной жизни Кымыш-дузчы, люди говорили: «Арык течёт всегда в одном и том же месте», вспоминая его деда Мухамметгылыча сакан сердара, выходца из малого племени чаканлар.

Но не всегда жизнь была милостива к нему, и было время, когда чаканларам и как и самому Кымышу было нелегко выживать.

Хотя, как и многие счастливы, он был из семьи, от предков которой ему должны были остаться и скотина, и состояние. В те времена, когда сарыки жили в Мары, старейшина семьи Мухамметгылыч сердар был уважаемым человеком, и обращались к нему почтительно. Причём, в ставших легендами рассказах того времени имя Мухамметгылыча сердара зачастую упоминалось рядом с именем Гырмызы кела, некоторое время слывшего ханом племени сарыков. В этих рассказах говорилось о том, что эти два человека, хотя и были разными по возрасту, объединившись, вместе правили сарыками. Они сумели уберечь свою землю от внешнего врага, добились солидарности местных беков и обеспечили своему народу пятнадцать-двадцать лет спокойной жизни. После того, как они добились мирной жизни, у людей начало расти поголовье скота, в песках паслись овцы, за которыми следовали по три-четыре ягнёнка. В те годы некоторые из наиболее состоятельных баев, кичась своим богатством, заказывали золотых петухов, которых прикрепляли к фасаду своего дома. Но, как ни старались Гырмызы кел и Мухамметгылыч сердар добиться мира, им не всегда это удавалось, потому что окрест находились такие могучие ханства, как Хивинское, желающие покорить и поработить весь мир.

В этот период Хива совершала набеги на своего соперника Бухару, на казахские, каракалпакские, афганские племена, настраивала их друг против друга и сталкивала их. Эти народы устали от набегов, страдали, ненавидели Хиву и даже сложили стих о её бесчинствах:

Туган ненен туганы
Сен жау эткен Хива.
Акылбеин туйбинде,
Дозах болуп биткен Хива¹.

¹ 1. Перевод из каракалпакского народного творчества. *Брата с братом врагом ты сделала, Хива, На лоне земле стал адом для народов ты, Хива!*

Как-то раз этот жестокий хивинский хан пришёл со своим войском в Мары, разграбил его, а потерявшего бдительность Гырмызы кела взял в плен. Мухамметгылыч сердар в эту пору с частью своих родственников находился на летнем пастбище в Пендинской степи, выпасал овец.

Гырмызы кел, знавший о чудесном спасении Мухамметгылыча сердара, верил, что тот, узнав о случившемся, не станет сидеть, сложа руки, обязательно что-нибудь придумает для его спасения. И когда хивинский хан в пути спрашивал у своих военачальников: «Ну как там чувствует себя этот непослушный туркменский хан?», и ему каждый раз отвечали: «Ваше ханское высочество, он время от времени бормочет себе под нос: «У меня есть сердар по имени Мухамметгылыч!» и идёт с высоко поднятой головой». Тогда хивинский хан, довольный результатами своего похода, не обратил на эти слова никакого внимания, напротив, говорил: «Пусть этот туркмен, ослиный вор, что хочет, бормочет, я его в Хиве на глазах у всего народа повешу на виселице, и все увидят туркмена, проглотившего свой собственный язык!».

Как только до Мухамметгылыча сердара дошёл слух о произошедшем с его народом, он тут же отправил весточки текинским и бурказским бекам Теджена, бекам салыров, населявших окрестности Иолотани. Сам же, собрав своих людей, тотчас отправился в путь.

Когда до Хивы оставался день пути, объединённые туркменские силы, обойдя врага, заняли удобные позиции. На рассвете, когда вражеское войско успокоилось, посчитав, что дело сделано, что они уже в безопасности, туркмены неожиданно напали на них и застали врасплох. Не ожидавшие от противника такого внезапного удара на этом месте, воины хивинского хана были вынуждены ретироваться, бежать с поля боя. Во время схватки с вражескими воинами в низине Мухамметгылыч сердар встретил Гырмызы кела.

– Эй, хан, давай, теперь сам руководи своими воинами и своим оружием! – крикнул сердар и кинул тому саблю. Гырмызы кел на лету схватил брошенную в его сторону саблю. Один из джигитов тотчас же подвёл к нему коня. Оседлав коня, он помчался за врагом, на скаку опуская на головы воинов свою саблю, при этом с гордостью произнося слова, которые, как заклинание, повторял всю дорогу, пока бил врага:

– Ведь я говорил же вам, вонючий хан, что у меня есть Мухамметгылыч сердар? А вы не верили мне, вот теперь получайте!

Лишившись своего немалочисленного войска и с трудом добравшись до дворца, хивинский хан после этого провозгласил Мухамметгылыча сердара своим злейшим врагом. Это привело к тому, что кровавая вражда между Мухамметгылычем сердаром и Хивой длилась почти полвека.

Спустя семь-восемь лет после случившегося ушёл из жизни и Гырмызы кел. Мухамметгылыч сердар был вынужден перебраться в Лебап и служить Бухарскому эмиру. Так начался второй и достаточно затяжной этап его противостояния с Хивинским ханом...

Перед концом жизни Мухамметгылыч сердар вернулся домой и жил среди своих марыйских родственников. Когда в возрасте восьми-девяти лет Кымыш видел своего деда, которому в ту пору было больше восьми десятков лет. Сгорбившись, дед всегда сидел на почётном месте в доме, всем своим видом напоминая нахохлившегося Беркута со сломанным крылом. Задубевшая кожа его лица была смуглой, разрез глаз чуть раскосый, глаза карие-зеленые как у всех чаканларов, обритая голова чуть вытянута, но окладистая белоснежная борода по-настоящему украшала его лицо. Вот таким и запомнил деда Кымыш. Среди родственников он жил в отдельном доме вместе с женой, которую все звали Тотам эне.

В волосах Тотам эне тогда только-только появилась первая седина, это была приветливая женщина среднего роста. Она была самой младшей женой Мухамметгылыча сердара. Они жили в специально для них поставленной большой шестистенной юрте, с ними также жили две их общие дочери и два старших мальчика любимого его внука Мулькамана.

Тотам эне была заботливой матерью и бабушкой, но также она заботилась и о своём престарелом муже. Следила за тем, чтобы его одежда была чистой и свежей, готовила только ту еду, которая нравилась деду, словом, окружила его заботой и вниманием.

Когда Тотам эне в качестве благодарности была отдана Мухамметгылычу сердару, у него уже было семь жён, а девочке на тот момент исполнилось всего четырнадцать лет. Мухамметгылычу сердару тогда было за пятьдесят, но он ещё был полон сил, с шашкой наголо лихо скакал в седле коня. Люди из племени ходжи, выдававшие дочерей только за своих, на этот раз сами же нарушили собственные правила. А всему этому причиной была та огромная помощь, которую оказал им Мухамметгылыч сердар в трудную минуту.

... Вот и в тот раз Бухара, время от времени устраивавшая волнения, проявила беспокойство. Народ снова поднял восстание против Бухарского эмира. На этот раз среди тех, кто надеялся свергнуть эмира Бухары с престола, были представители религиозных племен, живущих в городе и его окрестностях. Но разве эмир, катающийся как сыр в масле, с лёгкостью отдаст свою власть? Так что и на этот раз эмиру удалось применить силу и подавить бунт. Впоследствии он жестоко расправился со всеми бунтарями, в особенности с теми, кто стоял во главе восстания. Он повсюду преследовал ходжей и сейитов, поднявших восстание, уничтожал, бросал в темницы, подвергал их бесчеловечным пыткам. Впоследствии, вспоминая это восстание, придворный летописец Агехи напишет: «В те годы с виселиц Бухары свисали тела, а на земле валялись в пыли и гнили тоже трупы этих смутьянов ходжи и сейитов...».

И только после этого, потеряв множество народа, в поисках помощи ходжи обратились к Мухамметгылычу сердару. В то время верный военачальник Бухарского эмира Мухамметгылыч сердар с семьёю своими жёнами, пять из которых были разных национальностей – две таджички, узбечка, казашка, туркменка, а также с детьми особняком проживал в отдельной крепости в предместье Бухары. Когда прибежали и просили Сердара заступился за овлядов².

И хотя эмир уважал своего военачальника, ему не понравилось, когда тот пришёл просить за них.

– А-ха... Сердар, ты тоже с ними?

Мухамметгылыч не спешил с ответом. Он стоял молча, едва заметно ухмыляясь. Эмир понял этот жест своего сердара. Это были невысказанные слова: «Если бы я там был, результат мятежа был бы иным» ... Эмир понял его и после этого смягчил свой тон.

– Сердар, с каких это пор ты попал в их сети? – недовольно произнёс он продолжая разговор.

– Ваше Величество Эмир, случилось то, что случилось. Они уже и сами раскаиваются в том, что связались с бунтарями. К тому же они являются потомками нашего Пророка Мухаммеда. А наша Бухара считается одной из святых центров в мусульманском мире. Если вы накажете их, разве дух пророка не будет недоволен от Вас сказав: «Разве нет ли там почесть-уважение к нам?» – не скажет ли он?

Упоминание пророка и того света несколько смягчило эмира. Наконец, после некоторого молчания он произнес:

– Сердар, раз уж ты пришёл просить за них, я не буду отказывать в твоей просьбе. Но я не собираюсь оставлять их рядом с Бухарой... Не стану их убивать, но ты уведи их отсюда, куда хочешь уведи, да подальше, чтобы глаза мои их не видели!

После этого на двух огромных караванах Мухамметгылыч сердар перевёз бунтарей в Мары. По слухам, после этого исход ходжей из окрестностей Бухары и их переселение в Мары длилось ещё два-три месяца.

Увидев прибывшие вместе с сердаром в Мары толпы народа, местный люд выразил недовольство.

² . Овляды – представители племени святых.

– Ай, сердар акга! Ладно бы десять, двадцать человек ты привёл с собой, да откуда же столько ходжей набралось? А ведь наши предки завещали же нам: «Богатства хотите отдайте, но землю не отдавайте никому чужому!» Разве это не получается ли заветам предков?

И тогда Мухамметгылыч сердар, показав на арык своей родни, сказал переселенцам: «Пока что расположитесь здесь, лишь бы воды из арыка Чакан арыка хватило вам для питья. Мы не станем сеять и выращивать растения, займёмся разведением овец в пустыне». Обиженный на земляков из-за их недовольства, сердар бросил им в лицо: «А я посмотрю, как вы обойдётесь без молитв и религиозных обрядов без них!».

После того, как они вместе начали жить в этом месте, родственникам Мухамметгылыча сердара помимо прозвища «чаканы» присвоили и наиболее распространённые в ту пору в Мары прозвища «ходжабеги». Но после того как сарыки переселились из Мары в Пенди, это прозвище почти забылось. И лишь изредка эта кличка использовалась рядом с именами небольшой части чаканов – представителей племени бяшбелалар.

Народу Мухамметгылыч сердар больше запомнился благодаря своему последнему делу, совершенному в возрасте девяносто лет.

В одной из последних стычек с врагом в Мары сарыки вынуждены были покинуть город. И тогда прямо на полях боя пришлось переизбрать своего старого хана Пақыр ишана. На его место стал ханом храбрый Сары хан. Молодого, девятнадцати с половиной лет отроду человека, сделал его своим предводителем племени.

И тогда именно в этот момент Сары хан, ощутив на своих плечах всю эту тяжесть ответственности за свой народ, посмотрел по сторонам, словно ища поддержки, и вспомнив стал называть имена людей, которые в прошлом были надёжной опорой для своего народа:

– Эх, вот сейчас был бы Гырмызы кел хан, Мухамметгылыча сердар, они бы указали нам верную дорогу!

Тогда один из сердаров, стоявших около него на коне, сказал ему:

– А-хов, Сары хан, Гырмызы хана-то ты не найдёшь, давно нет его на свете, а вот Мухамметгылыч сердар жив. Правда не знаю, на что он может согдиться...

Неожиданное известие обрадовало Сары хана. Приказав он своим военачальникам Магсуту хану и Аганиязу сердару продолжить оборону-битву, он сказал: «Если Мухамметгылыч сердар жив, тогда мы сможем спасти свой народ без больших потерь», после чего он с несколькими всадниками отправился в село Союнали, где жил Мухамметгылыч сердар, чтобы как можно скорее встретиться с прославленным сердаром и посоветоваться с ним.

Сары хан спешил к коню у дома Мухамметгылыча сердара и ворвался к нему. Первые слова, которые он произнёс, были:

– Акга, спаси свой народ!

Когда Мухамметгылыч сердар, побеседовав с ним узнал, кто такой Сары хан, после чего между ними состоялся следующий разговор:

– Сынок Сары, я ведь уже одной ногой в могиле стою, мне осталось-то жить всего ничего.

На что Сары хан возразил:

– И всё же, сердар акга, народу сейчас никак не обойтись без вашего совета и руководства. Пусть вам немного осталось жить, но даже это небольшое время вы должны посвятить своему народу, помочь нам в этот трудный момент выбрать правильную дорогу, и возглавить его сторону. Ну а дальше есть Аллах, он не оставит нас!

После этих разговоров Сары хану наконец удалось уговорить Мухамметгылыча сердара встать во главе отступающего народа. Но старик согласился помочь молодому хану, если будут выполнены его условия. «Во-первых, людей следует переселить в Пенди, где наши летние пастбища. Мы должны отступать вдоль берега Мургаба и идти наверх.

В таком состоянии я вряд ли смогу усидеть в седле коня. Так что приготовьте для меня крытую повозку, я мог бы оттуда управлять теми, кто следует со мной, а мне, чтобы можно

было в ней лежать и отдыхать. А за мной в дороге нужен будет уход, привезите мою дочь, вышедшую замуж в Хорасан. Она поймёт меня, будет ухаживать за мной и через нее я буду управлять народом, передавать мои указания людям, пусть она сидит в задней части повозки.

Во время отступления племена должны идти придерживаясь нашим старым порядкам в таких случаях, чтобы сохранить единство, по порядку дополняя друг друга сплоченно.

Пусть впереди пойдут Союнали-Беден. Если в дороге вдруг понадобится дипломатия. Из них всегда выходили наши дипломаты. Они лучше и справятся с этим делом.

На случай, если враг прорвёт ваши ряды с правого фланга, пусть там идут наши отважные жантайы по кличке «острые ножи», они смогут дать любому врагу достойный отпор. Наши хорасанцы дружны и тверды, пусть они замыкают наши ряды...

Когда разговор дошёл до этого места, Сары хан не выдержал, потому что его племя долго не упоминалось. Он интересовался местами своего племени во время отступления, и он спросил:

– Акга, а где должны идти наши байрачи?

На что Мухаммегылыч сердар ответил:

– Байрачи – ханский народ, немного избалованный. Пусть они сплотятся и где-нибудь посередине идут.

Наставления Мухамметгылыча сердара понравились Сары хану, и он тот миг погрузился в раздумья. Ему хотелось выразить признательность старому сердару, сказать, что его помощь в трудные моменты не будет забыта, что народ обязательно отблагодарит его после наступления мира. Он сказал:

– Сердар акга, пока на земле останется хоть один представитель племени сарыков, каждый из них будет вам должен по пуду зерна!

После этого Сары хан поступил именно так, как советовал старый вождь. Смастерив крытую повозку, он усадил в нее старого сердара и поставил её впереди толпы, бегущей от врага. В задней части повозки посадили его шестидесятилетнюю дочь, которую разыскали и привезли сюда. Его распоряжением внука Мулькамана вместе поставили с пятью-шестью всадниками. Он и со своими людьми поддерживал связь между отступающими и воинами Сары хана в поле сражения. В то же время он был охранником деда возле его повозки.

Всю дорогу старик через этих приближённых передавал указания отступающим. Это позволило народу и армии в трудную минуту стать единым целым и слаженно действовать.

На третий день полчищу врага удалось прорвать ряды отступающего и охранявшего свой народ войска Сары хана, и они пошли истреблять отступающий народ. Узнав об этом, Мухамметгылыч сердар тотчас же остановил прямо на этом месте народ и принял меры для обороны. Сплотив их, велел этим людям вооружиться всем, что есть, – ножами, ножницами, вилами и прочими острыми и режущими предметами, и когда враг приблизится, напасть на него и отбиваться всеми силами. При этом он велел людям кричать и устраивать как можно больше шуму. А сам из повозки это время руководил, следил за действиями народом, учил его, подбадривал отбиваться от врага, словом, стал для людей вождём.

Пока не подоспели на помощь всадники Сары хана, старик сумел со своими людьми дать достойный отпор врагу. Люди были горды тем, что ими руководит такой легендарный человек, как Мухамметгылыч сердар, и искренне верили в победу и храбро дрались.

Через несколько дней, когда с врагом было покончено, Сары хан вместе с несколькими всадниками прибыл в расположение. К тому времени отступающий народ уже достиг долины Пенди. Поняв, что погони больше нет, люди разбрелись по долине, народ отдыхал после тяжёлых схваток с врагом и верил, что Мухамметгылыч сердар всё ещё находится в повозке, на своём месте, и думает о своих людях, заботится о них. Сопровождавшая его дочь сидела рядом с телегой прямо на земле. Когда же она увидела направлявшихся в их сторону всадников, подумала, что это не простые люди, и снова вскочила в арбу и заняла там своё место.

Когда всадники подъехали ближе к повозке, один из них обратился к сидящей на ней женщине:

– Ну-ка, сообщите сердару акга о моём прибытии!

Дочь сердара не сразу признала Сары хана, а потому не захотела говорить ему правду.

– Акга мой спит, сказал, чтобы без срочной необходимости не будили его! – сухо ответила женщина.

– Будите, да поскорей! – уверенно приказал всадник, после чего сразу представился: – Я Сары хан!

Только после этого дочь сердара откинула полог и показала хану пустую повозку и рассказала ему о случившемся.

... Неделю назад её отец Мухамметгылыч сердар ушёл из жизни, но перед смертью наказал дочери: «Пусть народ вплоть до прибытия Сары хана не знает о моём уходе, иначе растеряется». Дочь так и поступила. По дороге вместе с людьми Мулькамана она тайно похоронила отца, о чём и рассказала Сары хану.

Выслушав дочь Мухамметгылыча сердара, Сары хан подумал: «Оказывается неспроста сердар акга велел доставить именно ему дочь из Хорасана и посадить её в хвосте повозки». Он был благодарен и Мухамметгылычу сердару и его смышлённой дочери за то, что они не бросили его в трудную минуту. И сейчас он вспомнил слова, которые беспрестанно повторял пленённый когда-то Хивинским ханом Гырмызы кел, и с гордостью вслух произнёс эти слова ещё раз: «Я же говорил Вам, что у меня есть сердар по имени Мухамметгылыч!»

Вот так Сары хану, по совету старого сердара, действуя разумно, удалось спасти свой народ от разобщения и гибели, а большую часть его благополучно переселить в долину Пенди. И именно тогда Союнали стал одним из тех сёл, которое Мухамметгылыч сердар перевёл из Мары.

Не то, чтобы от предков в наследство остались скотина или имущество какое, после ухода из Мары семья Мухамметгылыча сердара стала сильно бедствовать и превратилась в одну из нищенствующих семей. Как только они обосновались по возвращению в Пенди, скончался глава семейства Мулькаман, получив тяжёлое ранение в одном из боёв в Мары. А ещё меньше чем через год, не выдержав свалившегося на неё горя, ушла из жизни хозяйка дома, оставив после себя пятерых сыновей и одну дочь, а ведь она была счастливой женой и матерью, ни в чём прежде не знала нужды... Никто почти не знал, в каком месте дороги тогда похоронен сам Мухамметгылыч сердар. Когда они прошли Иолотань, тогда внук сердара Мулькаман принёс бухарские ичиги деда, в которых он ходил в последнее время, его кожаный ремень с железной петлёй с одной стороны, в которой он носил свою саблю, и отдал жене со словами: «Сложи всё это в узелок, и спрячь в укромном месте». Вот только тогда хозяйка дома поняла, что с её старым свёкром что-то случилось.

Расставшись с близкой роднёй, семья Мухамметгылыча сердара испытала невероятные трудности, их кривая хибарка стояла рядом с кибиткой брата деда Акмухаммета чакана.

И они, осиротивши остались никому не нужными на всём белом свете бесправные пять сирот. Было время, когда они нанимались на подённую работу за кусок хлеба, и тогда некоторые злобные нелюди из села позволяли себе насмехаться над сиротами: «Эй, голытьба, именовано у вас вон какие, сплошь на гылычи (сабля) кончаются – Арнагылыч, Озбекгылыч, Мухамметгылыч, Джумагылыч да Одегылыч, на самом же деле вы простого столового ножа не стоите!»

После Марыйского сражения родня Мухамметгылыча сердара долго не могла прийти в себя. Самое ужасное, что вслед за дедом ушли из жизни отец и мать, и остались сироты одни, и не было рядом никого, кто мог бы помочь и поддержать их. И если у человека нет ни коня, ни родни, стоит ему упасть, как уже встать на ноги становится почти невозможным.

И вот пять братьев, пять сирот, не покидая друг друга, начинают жить, как придётся.

Время от времени их навещала сестра, выданная замуж за хорасанца. Она привозила с собой каждый раз немного продуктов, как могла, подкармливала братьев. Мыла, стирала, наводила порядок в доме, старалась как-то облегчить жизнь братьев.

Она всей душой хотела поднять братьев, поставить их на ноги. Возмущалась: «Да разве же вас можно назвать потомками того почтимого Мухамметгылыча сердара, при имени которого содрогалась вся Хива. Если вы будете вот так вот болтаться без дела, кто отдаст за вас свою дочь?! Когда вы станете нормальными людьми?». Жалея братьев, плакала...

И если бы спустя годы не состоялась та знаменитая на всю округу свадьба у Магсут хана, семья, возможно, никогда бы не очнулись от своего летаргического сна. Что это была за свадьба! Её устраивал Магсут, который когда-то был ханом племени, повёл за собой представителей своего племени и в трудное время спас их от разорения и уничтожения. У такого человека и глашатай должен иметь высокий голос. И потом, свадьбы таких людей, как правило, другие люди считают своими. В тот раз один из сирот правнуков Одегылыч пришёл на эту свадьбу и смешался с остальными гостями. Сегодня гостей обслуживали все женщины и мужчины племён гулджа и ганлыбаш. На убой пригнали почти целую отару овец. В котлах готовились плов, чекдирме, детей и гостей кормили по очереди, щедро угощали их. Женщины в белых и жёлтых накидках, невестки и молодые девушки группами шли на той, ведя за собой детишек. Приятные голоса женщин, сливаясь с грубыми голосами мужчин и шумными голосами детишек, создавали невероятную какофонию...

Одеклыч, набив живот вкусной едой возле казанов, отправился туда, где устраивались поединки борцов. Площадь для борьбы уже была окружена людьми, они шумели и что-то выкрикивали. Одеклыч нашел себе место в задних рядах и там удобно устроился. Вообще-то, если вдруг повезёт, он и сам не был прочь поучаствовать в схватке. Он и прежде на всяких тоях пробовал свои силы в борьбе. И почему же он на этом тое не может выступить? А тем более на торжестве такого уважаемого человека, как Магсут хан?! Одеклыч не заметил, как у него созрело решение вступить в схватку с кем-нибудь из борцов-пальванов.

На свадьбу Магсут хана прибыли высокие гости: принцы, сердары, баи, ханы из Мары и Теджена, Сарахса и Машата, Керки и Иолотани, и это придало торжеству ещё больший престиж. Понятно, что на таком тое призы будут не меньшими, чем конь или верблюд. На свадьбу Махсут хана из Иолотани вместе с несколькими своими приближёнными людьми прибыл, и сам главный хан племени сарыков Сары хан... Тогда, на поле боя, когда надо было выбирать другого хана, одним из тех, кто предложил избрать Сары хана главным человеком сарыков, был и Магсут хан. А когда в 1868 году Сары хан разделил племя на две части и ради земли и воды перебрался в долину Аманяпа, возглавлять оставшихся в Пенди людей он доверил Магсут хану. И потому главный хан сарыков никак не мог не приехать на эту свадьбу. На одном краю площадки, на которой будет проходить борьба, расстелили ковры и паласы для высоких гостей. Одеклыч любовался узорами ковров, сейчас они были похожи на цветущие по весне холмы, такими яркими были их краски! Тем временем вдруг появились несколько джигитов, разгоняя зевак, они выкрикивали: «Освободите путь, сейчас сюда идут ханы и беки, они будут наблюдать за поединками!». «Подвиньтесь, подвиньтесь!» – выкрикивали они, тут и там отодвигая толпу от края площадки, а если кто-то не спешил этого делать, могли легонько пройти по нему плёткой. Камча коснулась и спины Одеклыча. Он тоже, как и другие, проталкивался вперёд. Обернувшись, Одеклыч увидел медленно идущих, беседуя между собой, Магсут хана и Сары хана, а за ними следовали другие принцы крови. Тем временем появился еще один из джигитов, прокладывая дорогу высоким гостям, он расталкивал сидящих, выкрикивая: «Отодвиньтесь, отодвиньтесь! Сары хан идёт смотреть борьбу, двигайтесь!» Кого-то он пинал ногами, по другим прохаживался плетью. Огнём вспыхнула и спина Одеклыча. Он и сам не заметил, как вскочил с места. Набросившись на джигита с камчой, выхватил у того плеть,

ударил её по коленям и разломил надвое деревянную рукоять, после чего выкинул её в сторону. Обиженно пробормотал:

– Ну и что, что приехал Сары хан? Кто он? В лучшем случае, он такой же, как мы, а в худшем в подмётки наших башмаков не годится.

Пока люди разнимали джигита с Одеклычем, Сары хан со своей свитой подошёл уже к ним еще ближе. Он даже в этот момент услышал унижительные слова в свой адрес вспыльчивого гордого юноши. Подойдя к драчунам поближе, Сары хан увидел бледного от злости Одеклыча он остановился. Ничего не говоря, некоторое время пристально разглядывал юношу. После чего обратился к нему:

– Ну, что, парень, ты только что сказал, что Сары хан в лучшем случае такой же, как мы, а в худшем случае он нам в подмётки не годится. Объясни, что ты этим хотел сказать. Сможешь ответить за свои слова?

Слова, брошенные Одеклычем в запале, задели Сары хана за живое. Юноша не сразу нашелся, что ответить хану. На него сейчас смотрела собравшаяся вокруг хана толпа народа и поэтому он немного растерялся. И он понял, что своими словами навлек на свою голову неприятности. Теперь надо было как-то выбираться из этой ситуации. Мудрый Сары хан догадался, что вырвавшиеся из уст юноши слова, не просто имеют подоплёку, что они не на пустом месте возникли.

– Чей ты будешь, какого роду-племени? – спросил хан.

Одеклыч понял, что хан, задавая этот вопрос, хочет решить, как поступить с этим несдержанным молодым человеком дальше. Стараясь не показывать волнения, ответил с достоинством:

– Моего деда, хан ага, звали Мухамметгылыч сердаром...

Собравшиеся увидели, как при упоминании имени Мухамметгылыча сердара сразу изменилось выражение лица Сары хана. Опустив голову, он, словно что-то вспоминая, о чём-то задумался, потом лицо его просветлело, морщинка между сдвинутыми бровями разгладилась. А ведь люди подумали, что этот задиристый паренёк навлек на себя беду, однако ошиблись. И вдруг неожиданно хан сняв с себя накиннутый на плечи чекмень из верблюжьей шерсти, почестью набросил его на плечи юноши со словами:

– У сарыков немало долгов перед Мухамметгылычем акга!

После этого, он удивив собравшихся, вместе со своей свитой пошёл дальше.

Но разве останется без внимания юноша, которого приветил человек такого ранга как Сары хан?! Через короткое время после этого события купцы – союналийцы братья Заир чопчи и Таир чопчи пригласили Одеклыча и взяли его на работу грузчиком на свой караван. Так в жизни Одеклыча начался новый этап. Вместе с караваном он побывал на рынках Герата, Меймене, Мары, Машата, Хивы, повидал другие страны, общался с разными людьми. В другой раз, оказавшись в Бухаре, он разыскал оставшихся там родственников своего деда Мухамметгылыча сердара и стал заново общаться с потомками деда, рождёнными от таджикских, казахских, бухарских евреек, узбекских женщин.

Братьям-купцам этот безотказный и трудолюбивый, смелый юноша нравился. Через год он встал во главе конного караула каравана из десяти наездников. Сам он объяснял свой успех тем, что дух деда-сердара оберегает сирот, и что встреча с Сары ханом не была случайностью. Спустя некоторое время при помощи Одеклыча его братья Арнаклыч, Озбекгылыч и Джумагылыч смело увели из отчих домов дочерей Алаша бая, Келдже бая и Довлат бая и женились на них. Всё получилось по поговорке: «Сирота сам себе пуповину перерезает». Опасаясь гнева тестей, сироты поначалу жили тихо в окрестных джунглях. Но после того, как Таир чопчи и Заир чопчи вступились за Одеклыча и его братьев, с родичами девушек было достигнуто согласие. Женатые парни вернулись в село и стали жить и трудиться наравне со всеми. После того, как в доме, где раньше не было ни одной женщины, появились сразу три, им не составило

труда потом сосватать девушек за Мухамметгылыча и Одеклыча, заплатив за них калым, как говорят туркмены «за молоко матери».

Народ, который всё учитывал и всему знал цену, не мог оставить без внимания жизнь пятерых братьев, женатых, встающих на ноги, обзаводящихся домами и скотиной. Видя, как эти пять сирот выросли в пятерых состоятельных мужчин, умеющих постоять за себя – про таких туркмены говорят «бела ялы», то есть «умелый, ловкий, хитрый», народ назвал братьев «бьяшбелалар», то есть «пять ловкачей». Окрепнув, братья пришли на помощь и своей сестре из Хорасана, которая после смерти мужа осталась с двумя детьми на руках и очень бедствовала. Для неё они построили юрту рядом с собой. Так часть гапланов – чакан-ходжабеги разделалась надвое, и теперь родственников сирот стали называть бьяшбелаларами. Из них дольше всех прожил и до сих пор топтал землю Кымыш-дузчы. Когда Кымышу было около шестидесяти лет, он познакомился с человеком по имени Гулам перс, у которого была лавка на рынке Тахтабазара. Наладив с ним приятельские отношения, он помимо земледелия занялся ещё одним делом.

Как-то при встрече перс Гулам поделился с Кымышем своими проблемами, сказал, что ему нужен человек для поставки товаров и пока он не найдёт такого человека, предложил Кымышу попробовать себя в этом деле, возить ему соль из Ероюландуза. Так Кымыш вначале сам занимался доставкой соли, а затем подключил к этому делу и своих парней. Они возили соль для лавки перса Гулама.

Ероюландуз был естественным месторождением соли, образовавшимся в низине между холмами Бадхыза. Если выехать на верблюдах из Союнали, до места был путь в день-полтора. Кымыш возил оттуда соль для лавки перса Гулама в больших чувалах. И хотя доход от соли был невелик, всё же это был ходовой товар, приносящий двойную, а то и тройную прибыль. Всего через год с небольшим к двум тягловым верблюдам Кымыша добавились ещё два верблюда для перевозки грузов. Он и сам теперь добирался до места верхом на ходкой кобыле, потому что стал более состоятельным человеком. И если прежде Кымыш только доставлял персу Гуламу соль, то теперь, поставив в своем доме мельницу, смалывал, просеивал соль, отчего его доходы значительно увеличились. Невестки смалывали, просеивали соль и придавали ей товарный вид. Оставшиеся комки соли использовались в корм скотине. Перед каждым базарным днём рано утром Кымышы усаживали возле дома верблюдов и нагружали их чувалами с солью. Позже перемолотая и очищенная соль стала пользоваться на рынке большим спросом. Перс Гулам был доволен своим соледобытчиком. Несколько лет они дружили семьями, ходили в гости друг к другу. А когда перс решил переезжать в Мары, свою лавку в качестве благодарности он оставил младшему сыну Кымыша Оразгылычу. Союналийцы и прежде, посещая базар, видели, как Кымыш с персом Гуламом, лёжа внутри лавки, распивают чай, а сын Кымыша Оразгылыч отпускает покупателям соль – кому фунт, а кому и пуд, и рассчитывается с ними. Словом, ведёт торговлю.

Таким образом на какое-то время основными поставщиками и торговцами соли на рынке Тахтабазара была семья Кымыша.

Кличка «Кымыш-дузчы» приклеилась к нему после того, как он занялся солью. В 1922 году новая власть забрала у Кымыша его солевую лавку и передала её государству. Семья была готова отдать и верблюдов вместе с чувалами, лишь бы избавиться от дальнейших гонений, давления. Однако, когда Оразкыча лишили солевого дела, они поставили чёрную метку на его имени как солепромышленника и владельца предприятия по производству соли. В дальнейшем эта метка сыграет злую шутку с судьбой Оразкыча и поставит крест на жизни младшего сына Кымыша...

...Когда мир перевернулся, и люди начали истреблять друг друга, называя то большевиками, то баями, то басмачами, когда всем стало тесно под солнцем и люди начали стрелять друг в друга, имя Кымыш-дузчы преобразовалось в Кымыш-бая, и были дни, когда у него пого-

ловье крупного рогатого скота составляло около пятидесяти коров. Кымыш бай по возможности сторонился всех этих стычек и разборок, верил, что в этом случае ему удастся сохранить благополучие и покой своей семьи. «Я буду плыть по течению и смогу сохранить семью от бед, которые могут обрушиться на неё», – думал он и втайне надеялся на благополучный исход. «Веди себя хорошо, и будешь сыт» – говорил он себе и старался никому не противоречить и не возражать. И даже когда самые богатые баи вместе со своей скотиной и имуществом двигались мимо него в сторону Афганистана, он не стал никуда уезжать, по-своему объясняя своё решение: «Что бы ни случилось, пусть это случится на Родине, и пусть наше тело съедят местные черви, ведь в чужих краях нас никто не ждёт с распростёртыми объятьями...» И его женатые сыновья последовали примеру отца. А когда советская власть объявила, что в селе образуется колхоз и у людей начали отбирать скотину, Кымыш-дузчы вместе с сыновьями, оставив одну корову для молока детишкам, отвели и добровольно сдали в колхоз пятьдесят голов своего скота. «Будем живы, будет у нас ещё и скот, и другое имущество наживём» – сказали они себе. Сказав сыновьям, что с такими людьми шутки плохи, именно Кымыш посоветовал им вступить в колхоз. Он верил, что, поступив так, сможет сохранить целостность семьи, что и государство учтёт и обязательно поощрит их за такой благородный поступок, в случае необходимости заступится за них. По правде говоря, пока что никто и не стремился причинить им зло, ничего плохого этой семье не делал. Сыновья Кымыша-дузчы, хотя и числились дайханами-единоличниками, как и прежде, односельчане-колхозники очищали оросительные сети, пахали и сеяли, словом, занимались привычным делом – земледелием. И думалось им, что так будет всегда.

* * *

...Сегодня был один из ясных весенних дней. Только что перестал идти дождь. Мир дышал влажным чистым воздухом. Земля потихоньку начала подсыхать.

Высаженные в ряд возле дома Кымыша абрикосовые деревья уже давно покрылись пышным белым цветом, напоминающим наряд невесты, и источали тонкий аромат. Радуюсь прекращению дождя, громко чирикали воробьи, перелетая с ветки на ветку.

Огулбике, только что с чашкой в руках выскочившая во двор, чтобы покормить кур, вдруг резко повернула обратно. Стоя на пороге дома, волнуясь, сияя и громким голосом сообщила радостную весть:

– Вернулась, бабушка, вернулась!..

Вначале, глядя на неё, все подумали, что домой вернулись сыновья Оразгелди и Оразгылыч, которые вот уже месяц находились на полевых работах, ночевали прямо в поле и домой не приходили.

Пора бы уже им домой вернуться. Семья соскучилась, все уже давно стали поглядывать на дорогу.

Не успела Огулбике, сообщив радостную весть, вприпрыжку убежал обратно, как два мальчика-погодка семи и восьми лет, которые в это время ногами массируют спину лежащего в доме деда, – Алланазар и Аганазар бросили своё занятие и спеша выскочили на улицу, чтобы посмотреть, кто же вернулся, не обращая внимания на слова бабушки Джемал, велевшей им одеться, чтобы не простыть. Мальчишки на улице вместо своих отцов увидели у ворот рядом с положенной поперёк доской свою любимицу – чёрную корову, которую ещё совсем недавно их дед и отец отогнали в колхоз.

Мальчики радостно завопили: «Вернулась наша чёрная корова, домой вернулась!». Огулбике радовалась больше всех, ведь это она первой увидела корову, и теперь миску с зерном, приготовленным для кур, поднесла корове.

После возвращения чёрной коровы дом Кымыша-дузчы враз опустел. И если старшие выскочили во двор, разве любопытные малыши могли усидеть дома?! Рахманназар, который до

этого играл с лежащим возле бабушки младшим братом Рахмангулы, протянув руку к двери, завопил: «Я тоже хочу туда, посмотреть хочу на чёрную корову!»

А в это время бабушка Джемал, посадив рядом с собой двух невесток, поставила на середину большую миску с мукой, чтобы замесить на подогретой воде тесто и с утра пораньше испечь в тамдыре лепешки-чуреки. Одна из невесток месила тесто, то скатывая его в комок, то разминая кулаками, а другая, если было нужно, подливала тёплой воды из тунче – маленького кумгана, в котором кипятили воду для чая.

Кымыш-дузчы в эти дни, если не было какой-то необходимости, ссылаясь на дождливую погоду, практически не выходил из дома, целыми днями валяясь в красном углу дома, то засыпая, то бодрствуя. Сейчас он всем своим видом напоминал состарившегося и обессиленного льва. Этому крупному ширококостному старику было под восемьдесят, похоже, старость постепенно лишала его былых сил. Когда старик, опираясь на посох, вышел из дома, его глазам предстала удивительная картина. Бабушка Джемал, выскочившая из дома вместе с Рахманназаром вслед за поднявшимися шум мальчишками, гладила лоб, намокшую под дождём шею чёрной коровы, ласково, как с человеком, разговаривая с ней:

Моя скотина – моя душа,
Моя скотина – моё богатство,
Молоко моё и чал,
Как же я люблю свою скотину!³

– Что, соскучилась, поэтому и пришла сюда? – ласково заговорил с коровой и Кымыш-дузчы. – Думаешь, мы не скучали по тебе, не хотели видеть тебя? Ещё как хотели, кажется, старуха даже пару раз ходила к колхозному коровнику, возле забора стояла, на тебя смотрела. Да разве животное, которое так любили, так лелеяли и баловали, может забыть это?

А чёрная корова, словно понимая и слушая человеческую ласку, стояла, понурилась головой. А ведь доброе слово и бессловесной скотине тоже приятно!

Замесив тесто и поставив его подходить, невестки Огулджума и Амангуль вслед за всеми тоже вышли из дома. Чёрная корова всех вытасила из дома, никого не оставила равнодушным.

Кымышы, окружившие чёрную корову, сейчас испытывали какое-то радостное волнение, возвышенное чувство казалось, как будто в прошлые добрые времена вернулась. Каждому из них хотелось угостить свою любимицу чем-то вкусным, каким-то необыкновенным лакомством.

И хотя Кымыш-дузчы видел пасущихся в колхозном стаде своих коров, старался не обращать на них внимания, потому что они были для него уже чужими. А вот животные, не ведая и не понимая, что происходит среди людей, при виде своих хозяев начинали жалобно мычать, как бы спрашивая: «Неужели ты не забереешь нас домой?» Кымыш-дузчы, прослышав от людей, что скотину в колхозе часто держат впроголодь, сильно расстраивался.

– Ах, негодяи! Если вы не в состоянии ухаживать за животными, зачем было отнимать их у людей?

Так он выражал свое недовольство колхозным руководством.

Выйдя во двор, каждая из невесток взяла на руки Рахманназара и Рахмангулы, которые, прижавшись к подолу бабушки Джемал, во все глаза смотрели на корову и не могли понять, за что ей оказывают такие почести. Глядя друг на друга, невестки из-под яшмака прошептали: «Почему корову не загоняют в стойло, а держат на дворе?»

³ Если наступит такое время и будет написана история этого села, сельские жители сообщат тому летописцу: поголовья крупного рогатого скота колхоза «Гызыл гошун» основу составляют коровы Кымыша бая, тогда и семья Тагана тоже сдала в колхоз шесть своих тягловых верблюдов.

И хотя невестки произнесли эти слова шёпотом, их услышал стоявший в сторонке и подтягивавший свой отвисший кушак Кымыш-дузчы. Некоторое время он стоял в задумчивости, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем окинул взглядом внуков Аганазара и Алланазара.

– Эй, Алладжан, Акгыджан, вы что, так и будете держать гостью на пороге?

Мальчишкам только того и надо было. Подбежав к корове, они вдвоем подняли бревно, перегораживавшее вход во двор, и отнесли его в сторонку. Все остальные тоже отступили, открыв корове путь. После этого чёрная корова, стуча копытами, уверенно пошла вперёд, к загону из глинобитных стен, крытому соломой, всем своим видом показывая, что дорогу к себе домой она хорошо знает. Толпа из членов этой большой семьи последовала за ней.

Да они ведь Кымышы – одна из семей, хорошо знающая, как обращаться с домашними животными. И поэтому в этой семье скотина всегда вовремя получает корм и воду, за ней с удовольствием ухаживают. Такая скотина не потерпит, чтобы кто-то бил её плетью по спине, тогда она попросту может снизить надои. А вот окруженная вниманием и любовью скотина всё сполна отдаст своим хозяевам. Недаром говорится, что скотина выпивает воду из глаз своего хозяина.

Возвращение чёрной коровы в родное стойло разволновало и до слёз тронуло всех членов семьи Кымыша-дузчы, как взрослых, так и детей. Детям совсем не хотелось уходить от коровы, им хотелось как можно дольше общаться с ней, гладить её, ласкать. Они не знали, чем отблагодарить свою кормилицу за такую любовь и преданность семье. Аганазар и Алланазар принесли ей по охалке сена, которое держали в сарае и понемногу выдавали своей единственной корове. Огулбике принесла треснутый таз, в который складывали тыквенные очистки и луковую шелуху, и поставила его перед чернушкой. Несколько раз перед коровой, которая, насытившись, стояла и облизывалась, ставили миски с водой.

Когда наступило время вечерней дойки, Кымыш-дузчы, не желая ненужных пересудов других о том, будто бы он тайком увёл корову домой, чтобы забрать её молоко. И зная, как расстроятся внуки, он сказал: «Надо вернуть корову, детки, надо. Давайте не будем нарываться на неприятности. Отведите корову и оставьте её рядом с колхозным коровником». Корову отводить он послал внуков Алланазара и Аганазара. Некоторое время, опираясь на трость, смотрел им вслед, стараясь утешить младших плачущих внуков:

– Если будет суждено, ваша чёрная корова ещё вернется в свой дом!

Поверив деду, ребяташки стали хором спрашивать:

– Когда, когда же она вернётся домой?!

Направляясь в дом, старик по ходу сказал:

– Когда этому будет суждено.

* * *

Бабушка Джемал, жена Кымыша-дузчы, из суеверия верила, что после того, как чёрная корова посетила родной дом, обязательно должно случиться что-то хорошее. Предчувствие не обмануло старую женщину. На следующий же день после многодневной работы в поле верхом на одном коне, положив поперёк седла сверкающие на солнце лопаты, домой вернулись сыновья Оразгелди и Оразгылыч.

Семья вот уже больше недели ждала их возвращения, считая, что пора бы им уже быть дома. Как и прежде, очистка оросительных сетей и в этом году оказалась тяжёлой и изнурительной долгой работой. Но это была работа, результаты которой должны проявляться в течение всего предстоящего года. Все каналы были тщательно прорыты и очищены, и теперь в любое время вода реки, словно прирученная скотина, послушно потечёт туда, куда покажет человек, обильно орошая поля, она придёт и в село.

По привычке проснувшись рано утром, Оразгелди немного задержался в доме, пока натягивал на себя халат – дон. Тьма ещё не совсем рассеялась, на улице дул прохладный влажный ветерок, смешанный с запахом дыма. Солнце ещё не вышло из-за немного просветлившегося горизонта. Вчера вечером Оразгелди думал о посевах озимой пшеницы, посаженной в пойме реки, и решил, что с утра пораньше сходит туда, посмотрит, как поднимаются посевы.

Во дворе в сооружённом из глины очаге уже пылал огонь. Старики, которые вставляли раньше всех, уже были на ногах. Бабушки Джемал не было видно, но из загона доносился знакомый приятный голос, напевающий во время дойки коровы песню, похожую на колыбельную.

Обычно утром корову доила одна из невесток, и чаще всего это была Огулджума, жена старшего сына. Но бабушка хотела, чтобы сегодня её невестки, наконец-то дождавшиеся своих любимых мужей, подольше понежились в постели. Бабушка Джемал хорошо знала, каким сладким бывает сон в объятьях любимого после долгой разлуки.

Перешагнув через высохший арык сбоку от выстроившихся в ряд урючных деревьев, Оразгелди увидел отца, идущего с другого конца участка с кумганом в руках после совершения обряда омовения перед утренним намазом. Когда они поравнялись, отец заметил осунувшееся лицо сына, вид у него был усталый.

– Что так рано вскочил, мог бы ещё немного поспать!

– Хочу дойти до реки, посмотреть, как там наши посевы зерновых.

– Мог бы дня три-четыре отдохнуть, пока усталость после такой тяжёлой работы не уйдёт!

А пшеница в неплохом состоянии. С неделю назад я с детьми отвёз туда пару телег навоза, разбросал по полю.

– Ничего, удобрений посевам никогда не бывает много. Я тоже отвезу одну телегу навоза, а заодно посмотрю, что да как.

– Можно и так...

Кымышу-дузчы показалось, что его сын чем-то озабочен, что его что-то тревожит.

И хотя солнце уже появилось на горизонте и начало светать, день всё ещё был во власти ночи, несмотря на то, что сейчас кто-то невидимый схватился за край тёмно-серого покрывала, напоминающего подол женского платья и опустившегося на землю вчера вечером, и теперь резко откинул его.

В низинах между холмами Пенди, куда дневной свет проникает позже, чем в другие места, всё ещё было темно, здесь царили остатки ночи.

Прежде чем впрячь кобылу в телегу, Оразгелди решил угостить её чем-нибудь вкусным, чтобы она набралась сил. Лошадь, привыкшая к утреннему угощению, сейчас стояла, вытянув шею, всхрапывая, нетерпеливо била копытами о землю. Расставшись с отцом, Оразгелди не заставил свою алашу долго ждать, войдя под крытый соломой навес, где его ждала кобыла, снял с деревянной стойки торбу, зашёл в сарай и наполнил её овсом, принес торбу коню, после чего подошел к телеге, которая стояла, упираясь задом в стог сена, подняв длинные передние деревянные оси вверх. Эта картина создавала впечатление, будто телега собирается нанизать на свои оси остатки плывущих мимо облаков.

Вместо коня впрягшись в телегу, Оразгелди перетащил её к выходу в другом конце двора, рядом с которым была приготовлена кучка навоза. С верхней и нижней части кучки поднимался лёгкий пар, и это было похоже на горку сложенных для костра дров, под которыми только-только разожжён огонь. От кучки навоза исходил горьковатый, бьющий в нос запах.

Вернувшись в дом, чтобы взять рабочий дон и папаху, Оразгелди увидел жену. Лёжа на боку, Огулджума кормила грудью только что проснувшегося и плакавшего младшего сына Рахмангулы, успокаивая поглаживала его с любовью по спине.

– Он уже проснулся? – Оразгелди кивком головы показал на жену и сына.

– Так ведь он ранняя пташка, – ответила Огулджума, ласково глядя лоб сына.

Вообще-то Огулджума проснулась сразу же после мужа. Она собиралась выйти во двор, чтобы по привычке накормить мужа перед работой. Но проснулся Рахмангулы, и ей пришлось остаться дома.

Видя, что ребёнок снова уснул, Огулджума осторожно вынула из-под него свою руку, на которой лежала голова сына. Затем взяла ещё одну подушку и подложила под бок мальчика, чтобы он не мог скатиться в сторону.

– Я сейчас встану. Сниму с молока пенку и принесу тебе, – сказала она и поспешила на улицу.

– Не обязательно! Мне сейчас ничего не хочется есть. Аппетита нет. Дети съедят.

– Дети и без того не голодают, им тоже достается. Ты всё же перекуси немного, съешь сливки с куском лепёшки. Силы появятся!

Забота жены тронула Оразгелди. Он понял, что та не успокоится, пока не накормит мужа перед работой.

– Хорошо, только неси завтрак поскорее! – Оразгелди снова снял сменную папаху и положил её рядом с собой. А сам присел к сачаку (скатерти), одна сторона которого была откинута и приготовлена для трапезы. Не заставив долго ждать, Огулджума принесла полную чашку сливок и поставила перед мужем. Только накормив его и проводив на работу, она могла чувствовать себя спокойно.

Огулджума была видной женщиной. Несмотря на то, что немного располнела после родов, это ничуть не испортило её фигуру, напротив, придало ей своеобразную красоту. До замужества Огулджума была стройной девушкой чуть выше среднего роста, с миндалевидными глазами на смуглом лице. Оразгелди встречал её на всевозможных сельских торжествах, и она понравилась ему. Да и девушка тайком тайком с интересом посматривала на него. А вот так они впервые дали понять друг другу о своих чувствах. Огулджума однажды через молодую женщину, выданную замуж за соседского юношу из племени башбелаларов, тайком отправила Оразгелди любовно вышитую своими руками тубетейку. Ответ на подарок не заставил себя долго ждать. Не прошло и недели, как башбелалары направили к ним сватов за невестой для Оразгелди.

В те дни по селу ходило много приятных разговоров о двух зрелых сыновьях Кымышадузчы. О юношах говорили с восхищением.

Огулджума, хоть и вышла из состоятельной семьи, была человеком скромным, преданным семье, в которую пришла. Чувствовалось, что она хорошо воспитана, многое умеет, что у неё золотые руки и добрый нрав. С первого же дня после замужества Огулджума уверовала в то, что вся её дальнейшая жизнь и судьба будут связаны только с Оразгелди, что она будет согрета теплом мужчины, которого полюбила всем сердцем.

Попав в семью Кымышадузчы, Огулджума, окружённая теплом любимого человека, родив и вырастив двух дочерей и трёх сыновей, стала образцовой матерью и любимой женой. Она была благодарна Всевышнему за то, что он даровал ей такую судьбу. Огулджума радовалась тому, что служит людям, занявшим в её сердце так много места.

Оразгелди, который обычно старался не замечать любовь и ласку в глазах жены, её усталый вид, сейчас вдруг увидел в её взгляде какую-то тревогу, беспокойство. Подумав немного, он сразу же понял причину этих переживаний. Такое же беспокойство плескалось и в глазах самого Оразгелди. Не ошибся и старый Кымыш, только что встретивший сына во дворе. На лице Оразгелди промелькнула тень, похожая на тень пролетевшей птицы, было видно, что его что-то серьёзно тревожит.

...Эта тревога была связана с неожиданным появлением вчера поздно вечером председателя колхоза Нурджумы. Дети уже давно были во власти сна, сладко сопели во сне. Оразгелди при тусклом свете лампы был занят важным делом – как на лапшу нарезал на полоски кусок телячьей шкуры. Разложив вокруг себя инструменты – ножи и ножницы, он старательно спле-

тал из этих полосок камчу. Дело подходило к концу, и он уже собирался отойти ко сну. Дети, как куры, спать ложились рано, поэтому досматривали уже десятый сон, наглухо была заперта изнутри и дверь в комнату Кымыш-дузчи. Да и Огулджума сняла с головы борук, отложила его в сторону, повязала голову легким платком, после чего сняла с себя талисман-тумар с отрывками сур из Корана, который носила на боку, и тоже положила рядом. Она уже была готова лечь в постель, но в это время залаяла собака, извещая о приближении кого-то чужого. Тем временем раздался знакомый голос, увещевавший собаку:

– Алабай, Алабай, лежать, Алабай!

Голос был совсем близко, почти у порога дома.

Оразгелди отложил работу в сторону, накинул на плечи дон, чтобы выйти за дверь и встретить позднего гостя, но тут как раз раздался его голос:

– Еген⁴, а, еген, ты не спишь?

Дождаясь ответа Оразгелди, человек, покашливая, зашёл в дом. Его неожиданное появление вызвало тревогу у него. Этим человеком был председатель вновь образованного колхоза по имени Нурджума. Он был из того же племени гапланов, что и Оразгелди. Являясь одним из двоюродных родственников отца бабушки Джемал Гурбан бая, он считал детей Кымыш-дузчи своими племянниками. Вот и сейчас его привело сюда это родственное чувство, желание позаботиться о них. Пришёл он для того, чтобы предупредить старшего сына Кымыш Оразгелди о сгущающихся над их головами чёрных тучах.

Ответив на приветствие позднего гостя, коротко расспросив его о семье, Огулджума вышла во двор, чтобы на угасающем огне костра вскипятить воду для чая. Сев на кошму, Нурджума всем своим видом показал, что у него секретный разговор. Наклонившись к Оразгелди, он стал ему вполголоса нашептывать:

– Еген, мы хотели на сегодняшнем собрании представить тебя середняком и принять в колхоз, но у нас ничего не вышло. Трое из пяти членов приёмной комиссии высказались против твоей кандидатуры.

– Кто это, дядя? – Оразгелди вопросительно посмотрел на Нурджуму, у которого и так был виноватый вид. А у Оразгелди в этот момент был такой вид, словно он был готов вскочить с места и немедленно отправиться к тем людям.

– Сельсовет Ягды поначалу ни к одной стороне не примкнул. Но тут встал с места Хардат, так называемый коммунист, и завопил:

– Народ, что ж получается? Мы ведь знаем, что и у Гувандык бая, и у Кымыш бая, и у Ямат бая имелись десятки голов крупного рогатого скота и сотен овец. И если мы сегодня сделаем вид, что не замечаем их богатств и припишем к середнякам, это будет равносильно тому, что пустить в отару волка. Разве не так? Разве это не будет нашим неверием в слова великого нашего вождя Ленина, который сказал «Сытый голодному не товарищ» или же в слова великого Сталина, призывавшего коммунистов вести непримиримую борьбу с баями и кулаками, басмачами и муллами? Разве это не будет означать, что мы сами становимся двуличными большевиками? И потом, обо всём этом обязательно узнают наверху... И тогда никого не погладят по головке!

После такой пламенной речи выступающего председатель сельсовета, по всей вероятности испугавшись, что тот донесёт на него куда следует, при втором голосовании поднял руку против тебя. Таким образом, их стало большинство. А мы с Гуртом остались в меньшинстве, и наше мнение никого не интересовало.

Ночной рассказ Нурджумы всполошил Оразгелди, расстроил его. Ему показалось, что за нежеланием принимать его семью в колхоз кроется какой-то тайный коварный смысл. А ведь ещё пару лет назад новая власть готова была любого желающего привлечь на свою сторону, она

⁴ Еген – племянник.

всех подряд принимала в кооперативы. Кымышы тогда оказались в числе тех, кто предпочёл остаться единоличным дайханским хозяйством и своим трудом зарабатывать хлеб насущный. Они считали, что положение единоличников не станет таким уж плохим. Но теперь, похоже, в политике власти относительно единоличников что-то изменилось.

Потчуя гостя чаем с вареньем и сухофруктами, которые Огулджума разложила на сачаке, Оразгелди пытался понять, откуда возникло это противостояние, что стало причиной его отверженности. Он вспоминал свои прежние отношения с каждым из участников того собрания. Продолжая поддерживать беседу с ночным гостем, он думал о том, что вначале новая власть схватилась с Кымышами, а теперь хочет окончательно расправиться с ними, вот только не знает, как это сделать. Поведение новой власти напоминало состояние тяжелобольного человека, узнавшего о своей неизлечимой болезни и чувствующего, что эта болезнь унесёт его в могилу, оттого ставшего раздражительным и вспыльчивым. А ведь народ всячески угождал ей, этой власти. Когда потребовалось, люди отдали свои земли, надо – отдали скотину. Богачи, не желавшие конфликтовать с новой властью, отогнали сотни своих коров и овец в колхозное стадо, а ведь это имущество они наживали годами, для этого трудились в поте лица.

И Оразгелди, и его младший брат Оразгылыч уже давно подумывали о вступлении в колхоз. И хотя у них забрали скотину, впоследствии обоим братьям было сказано, что вопрос о приёме в колхоз членов состоятельных семей будет рассматриваться позже. Недавно приехал ответственный работник ОГПУ Васка Аман и провёл в селе собрание, на котором непринятие коммунистами в колхоз членов семей Ямат бая, Кымыш бая и Сейит бая объяснил классовой борьбой с угнетателями и за проявленную большевистскую бдительность объявил благодарность председателю сельсовета Ягды Нарлы, Курбану чунне, председателю колхоза Нурджуме Озбеку. Он тогда сказал:

– Богатым людям нельзя верить, они враги большевиков или же их пособники. Не в одном, так в другом месте обязательно проявят свою сущность, – размахивая кулаком, говорил он.

...И хотя свет чадающей лампы был тусклым, Нурджума после этого увидел выступившие на лбу своего визави мелкие капельки пота. Оразгелди слушал его молча, погружённый в свои мысли, и за всё время не проронил ни слова. Изю всех сил старался не показывать виду, но Нурджума почувствовал, какая буря бушует в душе Оразгелди.

Сказав своему племяннику всё, что хотел сказать, Нурджума засобирился, сообщив, что ему надо ещё в одно место попасть, и даже не стал ждать, когда подадут специально для него готовящийся ужин.

Когда Оразгелди провожал председателя колхоза и своего дядю Нурджуму, на небе уже перемигивались яркие звёзды. Было тепло. Вдохнув чистый тёплый воздух полной грудью, Нурджума мечтательно произнёс:

– До чего же чист воздух! И ветерок приятный дует. Земля напиталась влагой, можно уже и начинать сеять. – Затем, словно вспомнив о чём-то, повернулся к Оразгелди. – Ты когда засеял свою землю хлопчатником?

– Да, нет, пока что некогда было заниматься этим. – В его голосе прозвучало недовольство.

– Что ж ты так в этом году припозднился, еген, ведь Кымышы всегда раньше всех засеяли земли.

На что Оразгелди хотелось ответить: «А что мы получили в прошлом году, когда посадили и собрали урожай? Ну ладно, сняли урожай, где теперь его сбывать, разве остались места для торговли? Урожай надо сдавать в амбары сельсовета, а он до сих пор не заплатил единоличникам за хлопок. Хоть и обещал это сделать. Говорят, председатель сельсовета с криками набрасывается на тех, кто приходит просить свои заработанные деньги».

Но тут же подумал о том, что сам он с этим вопросом ещё не ходил в сельсовет, собирался сделать это в ближайшее время, поэтому нехотя произнёс:

– Ну, да, в этом году мы немного припозднились.

Председатель Нурджума не мог не понимать, отчего так охладел к работе Оразгелди, который всегда отличался трудолюбием и был примером для других. Тем не менее, он совершенно не одобрял того, что Оразгелди тянет с севом хлопчатника. На прощание сказал племяннику:

– Еген, не тяни, займись севом хлопчатника, помни, что старики говорили: «Кто сеет, и кто шьёт, получит своё» ...

... Не погоняя впряженную в телегу лошадь, Оразгелди медленно выехал из села. Конь натужно тянул гружённую доверху телегу. От тяжести груза на крупе и вокруг ушей лошади начали появляться капельки пота. Оразгелди шёл рядом с телегой, одной рукой держась за её край, а в другой держа поводья. В случае необходимости он выравнивал телегу, подталкивал её сзади, тем самым помогая коню.

И хотя солнце ещё не показалось, там, где оно восходит, вспыхнула алая заря, будто кто-то снизу поднял наверх огромную яркую лампу. Этот свет придавал белизну плывущим по небу мелким облакам, и это было похоже на красивое заснеженное поле.

С востока задул легкий утренний ветерок, похоже, он зародился в одном месте с солнцем. Повеяло утренней прохладой, но чувствовалось, что совсем скоро воздух прогреется.

Оразгелди вспомнил вчерашний разговор с председателем колхоза. Как же так вышло, что жизнь настолько изменилась, что какая-то неведомая злая сила превратила в ничтожества уважаемых людей, а вчерашние ничего из себя не представляющие люди вроде Ягды-кем-сита и Хардата-кепретилчи неожиданно оказались на вершине власти и теперь вертят судьбами людей! Он никак не мог понять, отчего всё это случилось, почему перевернулся их привычный мир и разрушил размеренную и счастливую жизнь. Какая лавина смела их с этого пути и разве можно устоять перед такой могучей силой?!

Понятно, отчего Хардат при любой возможности старается навредить им. Его поведение объяснялось просто: лет шесть-семь назад в их отношениях появился холодок. Это было связано с тем, что двоюродный брат Хардата выкрал уже сосватанную другим парнем двоюродную сестру Оразгелди и женился на ней, опозорив баяшбелаларов. А до этого они считали себя людьми близких друг другу племён, были в хороших отношениях и помогали друг другу.

Когда родственник Хардада опорочил девушку и навёл тень позора на род баяшбелаларов, представитель его рода по имени Ахмет-забун⁵, несмотря на молодость отличавшийся крутым нравом, пришёл советоваться к Оразгелди как к старшему своего племени, предложил отомстить Хардаду, опорочившему девушку из его семейства. Но тогда Оразгелди успокоил юного мстителя, напомнив, что в свое время и мать убежавшей девушки была уведена из дома близких Хардата, что их дядя Озбекгылыч акга усадил её на коня и увёз с собой. Так что это не считается позором, просто они отомстили за тот давний случай. После для примирения приходили уважаемые люди села, и тогда напряженность в отношениях между двумя семьями несколько ослабела. А если бы не был этот случай со временем забылось бы всё.

А село ничего не забывает, всё помнят, обо всем ведется счет, особенно если это связано с людской честью.

В этот раз тоже вышло именно так...

Однажды во время очистки каналов на поле среди двух молодых людей из разных племён вдруг возник спор.

⁵ Забун – жестокий.

Когда Оразгелди увидев, что парень из другой стороны не прав, взял сторону своих. А это не понравилось представителям других племён. Один из них моментально противостоял Оразгелди и с горяча напомнил ему «старую рану», упрекая ехидными улыбками.

– Кто вы такие, чтобы вас не трогали? Хотите сказать, что у вас есть честь? Разве не было, когда старший брат Хардата увёз вашу сестру и опозорил вас перед народом. А у вас же не нашлись тогда гордость и сила, не смогли вы – бяшбелалар отомстить за сестру, смыть позор. А сейчас изображаете себя человеком недотрогой, человеком-достоинством...

Оразгелди тогда не ожидавший такого поворота событий и не мог допустить такого унижения своих соплеменников перед другими. Не в силах был справиться со своим гневом и позвал моментально нескольких своих джигитов.

– Эй, Ахмет, Баллы, Махы, быстро седлайте коней и отправляйтесь к Хардаду, обрейте головы его женщинам!.. – приказал он.

Вот так подождён был фитиль противостояния. Парни бяшбелалары отправились в село и под крики и вопли обрили головы жены, дочери и сестры, оскорбили честь и дом Хардада.

Нет, конечно, Хардад не считал это мстью за причинённое зло ими раньше. Но и выступить против этих парней тогда он не осмелился. Затаил злобу и ждал только удобного момента, чтобы отомстить своему недругу.

И вот сейчас этот долгожданный момент, чтобы расправиться с Кымышами настал.

В это смутное время, когда вокруг разгораются нешуточные страсти, не допустить кого-то в колхоз было самым страшным злом, какое только можно причинить человеку. И если колхоз напоминал большое стадо, то непринятые в него семьи были похожи на горстки отсеянных овец, оставленных на заклятие шакалам. Как волки находят ослабевших, отбракованных ягнят, так и этими семьями впоследствии интересовалось ОГПУ, этих людей допрашивали, пытали, а то и до убийства доходило. Люди, которых беспричинно не принимали в колхоз, догадывались, что их может ждать в дальнейшем, а потому начинали потихоньку складывать имущество и готовиться к переселению. И хотя вчера во время беседы Нурджума не стал открыто советовать, как им поступать, но по тону его разговора можно было понять, что им следует на какое-то время, пока не утихнут страсти, поменять место жительства. Тем не менее, Оразгелди, считавший, что Хардад таким вот образом мстит ему за давнюю обиду, что и он сам при случае поступил бы так же, то и не очень-то обиделся на него, считая Хардада человеком, имеющим право на месть.

Но что сделано, то сделано. Волосы отросли, но туман того позора ещё долго не рассеялся. Правда, село восприняло этот случай как ещё одно проявление мести за поруганную честь, и отложило его в своей памяти. Посчитав, что бяшбелалары отомщены, село немного успокоилось. К тому же этот случай показал, что Оразгелди как старший может настоять на своём, что даже в это беспокойное, жестокое время бяшбелалары смогут постоять за себя и никому не дадут себя в обиду. Мысленно Оразгелди перешёл к ещё одному из тех, кто на собрании возражал против вступления его семьи в колхоз, – стал думать о Ягды-кемсите. Он представил себе этого человека: чуть выше среднего роста, упитанный, хорошо питаясь, в последнее время сильно раздался, превратился в квадратного кемсита (кемсит – председатель сельсовета), с вечно припухшими веками и красным ободком вокруг глаз как у не выспавшегося человека. Но самым примечательным в этом человеке была его густая поросьль. Волосы торчали у него и из ноздрей носа с горбинкой, и из ушей, волосатой была его грудь, черные завитки волос выглядывали сквозь ворот просторной рубахи.

Оразгелди обиженно посмотрел на человека, которого только что представлял, и у него невольно вырвалось:

– Можно подумать, как будто ты ягнёнок незнакомой овцы!

После прихода в Союнали советской власти Ягды-кемсит стал одним из тех, кого эта власть как представителя угнетённого класса приветила и взяла под своё крыло. Теперь он

носил военный френч как у товарища Сталина, который выглядывал из-под шелкового дона, на голове у него была богатая черная бурка с лоснящимися завитками, на поясе ремень с пистолетом в кобуре. Он с видом победителя восседал на резвой лошади и чувствовал себя принцем крови. До прихода советской власти отец Ягды-кемсита Нарлы-гамышчи, как и все на селе, занимался земледелием, нанимаясь батраком к зажиточным односельчанам. Помимо земляных работ Нарлы-гамышчи ходил по селу в поисках наёмной работы, имел дело с камышом: для кого-то собирал камыш и строил мазанки, для кого-то старательно собирал камыш и делал из него щиты для стен кибиток, отделявал их узорами.

Отец Нарлы-гамышчи попал в это село в те давние времена, когда на соседей совершались набеги, и был для жителей чужим. Человек по имени Аман ях разбойник привёз его рабом в подростковом возрасте. Мальчик был услужлив, скромен, не требовал больше того, что ему давали. Когда он превратился в юношу, Аман ях отнесся к нему как к родному, построил для него дом и женил на подходящей девушке. С тех пор его потомки жили и продолжали род в этом месте.

Кымыш-дузчы был одним из тех жителей села, кто поддерживал с Нарлы-гамышчи добрые отношения. Когда видел, что тот бедствует, оказывал ему всяческую помощь. Он приглашал его к себе, если надо было выполнить какую-то работу, связанную с камышом, и щедро оплачивал эту работу. Провожая, каждый раз говорил ему: «Дорогой, Нарлы, если твоей семье не хватает молока и кефира, не стесняйся, отправляй детей с миской к Джемал».

Как-то раз одна из коров Кымыш-дузчы отелилась сразу двойней. Такое явление туркмены считали предвестником приближающейся беды, к тому же коровы редко приносили больше одного телёнка сразу. Из суеверия люди старались как можно быстрее избавиться от второго плода, и одного сразу отдавали пастуху или же кому-то из неимущих, чтобы человек мог обзавестись скотиной. Вот и в тот раз Кымыш-дузчы вспомнил про Нарлы-гамышчи, решил отдать ему телёнка.

Когда Оразгелди, стреножив ягнёнка, на руках принёс его в дом Нарлы-гамышчи, радости того не было предела. Взяв телёнка на руки, он ходил с ним, от радости не зная, куда поместить скотинку, то ли в дом, то ли в сарай.

– Ну, конечно, это же наш любимый дядя Кымыш, родной нам человек! – взволновано бормотал счастливый обладатель телёнка.

Но тем же вечером, вместе с детьми какое-то время порадовавшись приобретению, Нарлы-гамышчи принёс детёныша коровы обратно.

– Ах, Кымыш ага, не надо сейчас отрывать его от матери, пусть немного пососёт мать, окрепнет, чтобы мог сам кормиться травой да сеном, после чего я заберу телёнка. Дома у нас нет молока, мне нечем будет кормить телёнка, и я не хочу потерять то, что так счастливо пришло ко мне в руки! – На шее телёнка уже висел амулет, вдетый в пёструю плетёную нить – аладжу, чтобы потом можно было опознать своего. Забрал он своего телёнка гораздо позже, когда тот уже превратился в крупную стельную корову. Веря, что от богатого к другому человеку достаток переходит, Нарлы-гамышчи долгое время жил с чувством благодарности Кымышу-дузчы.

Оразгелди сейчас думал о том, какими тёплыми были отношения между их двумя семьями тогда, и никак не мог понять, отчего Ягды-кемсит не поддержал его вступление в колхоз, искренне обижался на него. А он верил, что находясь у власти Ягды-кемсит поддержит его кандидатуру, ему бы удалось избежать надвигающейся в виде большевиков беды. Земляки говорили о Ягды-кемсита: «С тех пор, как Ягды стал выходцем из класса угнетённых, из кожи вон лезет, чтобы показать свою власть. И над кем? Над своими же односельчанами. Да, раб он и есть чужак, ждёт счастливого случая, чтобы отомстить за свои бывшие унижения! Такого большевик поманит пальцем, и он готов мать родную продать!» Видя, что эти разговоры имеют под собой почву, Оразгелди по-настоящему расстраивался.

После прихода советской власти прошло уже более десяти лет. Она всё больше пускала корни, закреплялась на этой земле. Но с её приходом жители села оказались не у дел, не знали, как себя вести и куда идти. Их словно подхватило вихрем, и они уже были не в состоянии думать о чём-то ином, кроме спасения собственных жизней. Правда, не было ничего непонятного в том, как поведут себя большевики. Придя к власти, они сразу же разделили народ на два класса. Богачи превратились в угнетателей неимущих, а бедняки – в угнетённых. Причём, в тех, кого угнетали из века в век, не позволяя им жить лучше, и всячески унижали. Лишь с приходом большевиков эти несчастные получили волю и стали сильными.

И вот с тех пор советы, будто силой захватив неприступную крепость, начали бесчинствовать, убивая тех, кто выступал против них, других отправляя в ссылку, третьих топча и оставляя тех, кого могли использовать. Словом, становились врагами.

После того, как большевики начали проявлять свою суть, первыми бежали сельские баи, владевшие несметными стадами овец и крупного рогатого скота. Распродав скот, они набивали хурджуны серебром и золотом, погружали их на лошадей, а часть оставшегося скота вместе с семьями забирали с собой и перебирались в Афганистан. У тех же, кто растерялся и не успел бежать, большевики экспроприировали скотину и имущество, а самих сажали, расстреливали, уничтожали. И это продолжалось и до сегодняшнего дня.

В село Союнали, находившееся немного в стороне от дороги, большевики пришли через три-четыре года после того, как в 1917 году свергли царя. Во главе отряда всадников из тридцати-сорока человек с гордо поднятыми флагами находился человек по имени Демьян. Это был усатый загорелый мужчина тридцати пяти – сорока лет, с обтянутыми кожей впалыми щеками и острым взглядом. Он носил короткую кожаную куртку. Причём, в этот раз неприятности пришли не со стороны Мары, как это было всегда, а с юга – со стороны Кушки.

И когда большевики покончили с большими баями и взялись за оставшихся людей, называя их прихвостнями баев, ишанами и муллами, стало ясно, что это только начало их большой игры. Люди надеялись, что покончив с зажиточными баями, истребив их, большевики успокоятся. Позже они поняли, как жестоко ошибались, надеясь на благоразумие новой власти, в особенности после того, как людей стали называть басмачами и под этим предлогом грабить имущество, скотину, безжалостно уничтожать тех, кто пытался защищать свою веру, бросать в тюрьмы непокорных. Народ понял, что число людей, с которыми советская власть должна разделаться, будет расти с каждым днём. И потом, большевикам незачем было учиться как разобщать и настраивать людей друг против друга, им было не занимать опыта, ведь именно таким способом, сея между людьми вражду, им удалось в 1917 году скинуть царя с престола. В том, что этот метод самый верный, ещё на заре революции убедил сам Ленин. Он тогда объяснил, что будет, если поступать именно так. Сказав «После советской страной сможет управлять даже кухарка», он посеял в душах невежественных людей слабую надежду на то, что и они, пойдя дорогой большевиков, со временем смогут стать хозяевами этой страны. На собственном примере Ленин показал, что любое специально организованное восстание может помочь в захвате власти. И тогда толпа, поверившая обещаниям новой власти, стала похожа на бестолковое стадо баранов, гонящихся за первой травкой. А в это время большевики, вместе с местными собаками и ишаками погоняя это стадо, убедили людей в том, что они очень скоро смогут занять место высокомерного вожака, который, тряся жиденкой бородкой и звеня висящим на шее колокольчиком, решает, в какую сторону вести стадо. На самом же деле это большевики вели это стадо в нужную им сторону. Забыв о многовековой народной мудрости, гласящей: «Имущество разграбленного дома попадёт в дом, который достигнет такая же участь», большевики, чтобы увеличить число своих сторонников, некоторым из них щедро раздавали дома и имущество бежавших из страны баев, ишанов и мулл, другим отдали землю, коней и верблюдов, третьим, наиболее преданным, несмотря ни на какие достоинства, присуждали зва-

ния большевистских руководителей. Одним из таких счастливиц, исполнявших роль холощёного козла в стаде, стал Ягды-кемсит.

...Погрузившись в свои мысли, Оразгелди не заметил, как дошёл до реки. Высокий берег реки отвесно спускался к воде, внизу Мургаб торопливо нёс свои воды, напоминая женщину, ощутившую позади себя присутствие незнакомого мужчины и с гулко бьющимся сердцем спешащую поскорее унести с этого места ноги.

Задувший вчера пополудни и постепенно набирающий силу восточный ветер всё ещё не стих. Он прочёсывал заросли прошлогодних камышей на берегу реки, которые сейчас, повалившись друг на друга, белой стеной лежали на поверхности воды, легонько обдувал их, после чего доносил запахи прелой травы.

На той стороне реки чуть поодаль виднеются контуры крепости афганского «Беркута»⁶ – бека этой крепости. Спрятанная в подбрюшьё холмов Гарабила и выглядывающая из-за них крепость не кажется чем-то рукотворным, скорее, она похожа на высеченную руками гигантского богатыря часть бархана, оставленную в сторонке. Когда взгляд Оразгелди упал на афганскую крепость, он снова вспомнил своих удравших туда земляков. В числе переселившихся на чужбину семей были, и родственники по линии жены – родня Маммет хана дуеджи. Семья Маммет хана дуеджи во главе старшего сына Акынияза перешла на ту сторону реки всего-навсего полтора года тому назад и осела в афганском селе Марчак. Хотя, казалось, уж если кому-то не следовало оставаться на месте, так это Акыниязу баю, который какое-то время возглавлял род дуеджи в селе Союнали вместо своего покойного отца и даже успел поработать в государственной должности.

Ещё совсем недавно он был известен как старый знакомый и близкий человек главы госудраства Гайгысыза Атабаева. Приезжая в эти края, Атабаев одно чаепитие проводил в доме своего старого знакомого Гуллы эмина, а в другой раз становился почётным гостем Акынияза бая.

В те дни Акынияз бай возглавлял открытую в районе организацию под непонятным названием Госкомитет. Не прошло и пары лет, как Атабаев пригласил его в Ашхабад и направил на руководящую работу в Керки. Получив новое назначение, он вернулся в Союнали, забрав с собой в Керки в качестве джигита-телохранителя одного из сыновей родственника Кымышы-дузчы по имени Баллы. Верхом на двух конях пробираясь меж барханов, они пересекли пески Гарабила и караванными тропами добрались до Керки. Проработав чуть больше года, он так и не пустил там корни, ему не была по душе эта работа, и скоро он засобирился обратно. До этого, встретив он Атабаева в Ашхабаде, обратился к нему за помощью, просил защитить жителей Керки, которых ОГПУ стал истреблять, называя то баями, то ишанами и муллами, а ведь многие из этих репрессированных были уважаемыми людьми. Если и дальше так пойдёт, скоро в Керки никого не останется, приезжай, увидишь всё своими глазами и наведи порядок, просил Атабаева Акынияз бай. И потом ещё долго ждал его в Керки. Убедившись потом, что Атабаева не дожждаться, а ОГПУ начало с особой жестокостью расправляться с людьми, он же как человек, возглавивший жителей этого города, не в состоянии защитить их, в один прекрасный день спешно собрал всё своё окружение и сам себя освободил от занимаемой должности, назначив приказом на это место своего заместителя. В ту же ночь снялся с места и отправился в сторону Пенди. Что ж, если он, находясь у власти, этой власти не имеет, не остаётся ничего другого, как с этой властью распрощаться. Перебравшись вдвоём со своим джигитом из Керки в Тахтабазар, он и там недолго находился. Очень скоро, собрав всю свою родню, имущество и скот, избежал Советов и благополучно перебрался в Афганистан.

От села Союнали граница находилась недалеко. Стоило перебраться на другой берег Мургаба, и там уже начиналась афганская земля. И всё же переходить на ту сторону было рис-

⁶ Бургют – (Беркут). Так называли афганского наместника.

кованно, граница охранялась, а схватки и перестрелки в том месте были делом привычным. Но Акынияз бай совершенно спокойно пересёк границу, в полдень его чабаны перегнали отару через реку.

Жители села тогда были немало удивлены, и разговоры о переходе Акынияза бая в Афганистан длились ещё довольно долго. Одни говорили: «Ай, наверняка у него был предварительный сговор с Атабаевым, Акынияз не тот человек, он не из тех, кто станет отрезать, семь раз не отмерив». У других было иное мнение: «Большевистские солдаты хорошо знают, кому они могут преградить путь. А попробовали бы они встать на пути у сыновей Маммет хана дуеджи, эти богатыри быстро разделались бы с ними. Поэтому лучше всего сделать вид, что не знаешь и не видишь их».

Но были и те, кто считал, что такой человек, как Акынияз бай, никогда ничего не делает без предварительной тщательной подготовки, значит, он мог договориться как с русскими, так и с афганцами и найти какой-то другой путь. Оразгелди вспомнил, как в те дни, когда переселялись дуеджи, его жена Огулджума испекла целый тамдыр чуреков и разнесла садака по соседским домам от имени своих братьев, желая им благополучно добраться до места. Пару месяцев назад Ахмет, сын младшего брата Кымыш-дузчы посетил Афганистан, дня два гостил у тестя, отвезя им кое-какие забытые при отъезде вещи. Увидел, как они устроились, и привёз от них пламенные приветы. Ахмет забун тоже был женат на одной из сестёр Акынияза бая, считался его зятем. Сватом его тоже стал Кымыш-дузчы, он сказал родственникам девушки: «Мы и так являемся родней, а теперь породнимся ещё больше», и сам сыграл парню свадьбу. Вернувшись из Афганистана, Ахмет тогда сказал: «Акынияз бай и там числится приближённым «Беркута», он помогает всем, кто перебирается отсюда. И Гутлы хану, который уехал из Бедена, он помог обзавестись землёй и водой. Сам-то он со своей семьёй живет очень хорошо». Выслушав Ахмета, Кымыш-дузчы высказал своё мнение:

– Конечно, Акынияз умный человек, рассудительный, знает, что ему делать, но мне кажется, что в этот раз, бросив свою страну, он ошибся.

На что Ахмет задумчиво произнёс:

– Как бы там ни было, всё же мусульманская страна...

– Так-то оно так, но разве не предкам нашим, многое повидавшим на своём веку, принадлежат слова: «Даже если он ругает или бьёт, все равно нет лучше, чем своего народа и Родины», давая понять, что он совершенно не одобряет поступка своего свояка.

Этот энергичный старший сын Маммет бая нравился Кымышу дузчы и до того, он женил своего сына Оразгелди на одной из его сестёр. Ему нравилось, как тот умеет говорить на публике, да и люди всегда хорошо отзывались о нём: «У Маммет хана все сыновья достойны, но Акынияз среди них самый главный». И хотя Кымыш в тот раз ничего не сказал в осуждение побега Акынияза из родного села, ему это было не по душе. Он старался найти этому поступку объяснение и оправдание: скорее всего, люди вынуждены были бежать от гонений, а когда всё утрясется и встанет на свои места, они вернуться обратно, желая этого, думал Кымыш-дузчы. И верил, что при первой же возможности Акынияз бай тоже поступит именно так.

...Пшеничное поле у реки было похоже на раскинувшееся вокруг зелёное море. Эта картина подняла Оразгелди настроение, воодушевила его. Эту красоту он мысленно сравнил с хорошенькой женщиной, принарядившейся и нетерпеливо ожидающей возвращения мужа из дальней поездки.

Отложив поводья, Оразгелди соскользнул с телеги и опустился на корточки на краю раскинувшегося вокруг зелёного поля. Сняв с головы папаху, надел её на одно колено, достал большой носовой платок и отёр им пот с обритой головы, с шеи и лба. Любуясь зелёными всходами и думая о завтрашнем урожае, он ласково погладил нежную зелень.

Пшеничное поле порадовало Оразгелди, подняло ему настроение. Куда-то отошли вечерашние переживания, уступив место приятным мыслям о том, что совсем скоро пшеница

созреет и начнётся жатва, после чего пшеничные зёрна превратятся в муку, из которой выпекнут вкусные ароматные лепёшки и заполнят ими сачаки. Ему даже показалось, что хмурое небо очистилось, посветлело, а мир вокруг стал ярче и теплее.

Оразгелди понимал, что на свете нет ничего вечного. Разве не было сказано: «Не бывает сорок лет голода и сорок лет сытости»? Всё на свете проходит, только Оразгелди казалось, что эти дни проходят слишком медленно, к тому же и с тяжким грузом за спиной. Как портится погода, так и судьбы вдруг резко меняются, для этого достаточно любого повода.

И хотя пшеничное поле напоминало зелёное море с едва заметным плеском волн, обойдя его со всех сторон, Оразгелди, будучи прирождённым земледельцем, сразу же заметил, что в некоторых местах всходы были не такими яркими по цвету. А ведь семена по всему полю разбрасывали одни и те же. Видно, почва в тех местах была не такой здоровой, ей нужна подкормка и уход, как за больным. Надо бы туда пару телег навоза накидать, удобрить землю, тогда и всходы оживут и станут ярко-зелёными, как все остальные. А вообще-то пшеница не из тех культур, которая требует особого ухода, она неприхотлива. Достаточно хорошо вспахать и удобрить землю, вовремя провести посевную, в случае необходимости пару раз оросить всходы, после чего можно готовить вилы и сита.

Разбросав деревянными вилами в нужных местах привезённый навоз, Оразгелди подумал: «Однако ещё пару телег навоза не помешало бы». Он вдруг вспомнил про старый колхозный коровник. В прошлом году после обильных дождей река разлилась и унесла с собой часть колхозного коровника. Оразгелди тоже был тогда одним из тех, кто помогал колхозу переносить размытый коровник в другое место. А некоторое время назад он обратил внимание на то, что на том месте осталось много навоза. Он тогда подумал: «Надо бы забрать навоз отсюда и разбросать по полям, он вон уже в перегной превратился». К тому же, это место было намного ближе, легче навоз взять здесь, чем ехать за ним в село. Оразгелди решил, что наберёт там две-три телеги навоза. Он пошёл вдоль берега реки, обходя стороной небольшие лужицы, поросшие камышом и тамариском.

У реки паслись коровы, которых только что подоили и отпустили на волю. Разбредясь по лужайке, они щипали высохшую травку. Кажется, снова пойдёт дождь. Весенний ветерок гнал по небу тучи в сторону Мары. Временами из-за туч выглядывал кусочек светлого неба, похожего на тело не знавшей загара женщины. Тучки бросали на землю таинственные взгляды, словно говорящие: «Ну, вот, мы уходим!», будто желая, тобы и земля, разделившись на островки, последовала за ними.

Временами вода реки, натываясь на преграду, образовывала небольшую запруду, на поверхности которой можно было видеть, как блестит чешуя выпрыгивающих из воды рыб. Это было время, когда рыба шла на нерест, и в азарте любовных игр совершала прыжки и выскакивала из воды.

Медленно катя телегу, Оразгелди заметил, как из брода в нижнем течении реки вышли три-четыре коровы, шедшая впереди них пожилая корова вдруг остановилась увидев его, опознала значит своего бывшего хозяина и посмотрела на него, вытянув шею, словно в ожидании чего-то. Животные всегда узнают своих хозяев, и Оразгелди тоже узнал свою корову. Сидя в телеге, он мысленно погладил её по спине, по шее. Услышав за спиной шаги, обернулся и увидел пастуха в накинутом на плечи халате и с посохом в руках. Обратив внимание на поведение жёлтой коровы, улыбнулся: «Бедное животное, узнало своего хозяина», – произнёс он и многозначительно улыбнулся.

– Похоже, это так, смотрит, не отрывая взгляда, бедняга, – отозвался Оразгелди.

– Ах, брат, к чему сомнения, уж кто-кто, а животное никогда не забывает доброты и ласки, хороших кормов. Это человек может забыть добро, а животное никогда не забывает. Ты разве не видишь, как ведёт себя кобель твоего дяди Гувандык бая? Уж сколько времени

прошло, как бай, скрываясь от большевиков, бежал в Пырары⁷, а собака до сих пор сторожит его дом, в тени дома, положив голову на золу тамдыра, лежит. Всё ждёт своего хозяина.

– Да, старики когда-то говорили: «Чья скотина? Кому Бог прикажет, тому она и принадлежит», – ответил Оразгелди, стараясь не показывать, как он расстроен из-за того, что пришлось отдать колхозу свой скот.

– Ну, да, конечно, нам только и остаётся смириться... – Одной рукой придерживая ворот халата без застёжки, он пытался натянуть его на себя, но тот никак не поддавался. Пастух стал ругать себя за беспечность. – Нет, этот дон никому не доставит удовольствия, такой же противный, как Ягды-кемсит. То и дело раскрывается, полы его расходятся, и холод пронизывает тело насквозь. Надо бы, придя домой вечером, кинуть его жене и заставить, чтобы она пришла тесёмки, но ведь это же я, как только попадаю в тепло дома, обо всём на свете забываю.

Озираясь по сторонам, пастух обошёл телегу Оразгелди стороной и отправился на поиски отбившихся от стада коров.

А дальше вышло по поговорке: «Вспомни волка, и он тут же появится». Когда Оразгелди во второй раз наполнял телегу навозом из старого коровника, то вначале услышал стук конских копыт, а затем на боковой дороге появился Ягды-кемсит верхом на сером норовистом коне Гувандык бая, коне, которого забрал колхоз. Было件нятно, что он как хозяин ехал проведать скотину в новом коровнике. Занятый своим делом, Оразгелди сделал вид, что не замечает того, надеясь на то, что кемсит проедет мимо. Всё равно пока что он неплохо относился к Ягды-кемситу, не считал его своим ярым противником и не ждал от него ничего плохого, однако после вчерашнего разговора с Нурджумой предпочёл не встречаться с ним. Он думал, что даже если столкнётся с ним, ничего хорошего от него ждать не следует. Поравнявшись с Оразгелди, Ягды-кемсит узнал его и остановил коня. Концом нагайки приподнял спавшую на глаза папаху, поздоровался:

– Оразгелди ага, салам алейкум!

– А, это ты, кемсит? – ответил на приветствие Оразгелди, отметив про себя, что раньше Ягды-кемсит к его имени прибавлял слово «акга», означающее родственную связь, а теперь вот он стал «ага», уважительное обращение к старшему.

– Знаю, что вы благополучно закончили газы – земляные работы, подготовили оросительные сети, это хорошо!

– Ну, да, работы закончили...

– И это самое главное, а с остальным что-нибудь придумается. В этом году и осадков было достаточно, так что земля напиталась влагой. Посмотри, как зазеленели пшеничные поля, глаз радуют! Теперь бы ещё и хлопчатник вовремя засеять.

– Думаю, с этим тоже всё будет в порядке.

Оразгелди не очень-то был настроен поддерживать восторженный разговор Ягды-кемсита, поэтому ответил сдержанно.

– Время ещё есть. И потом, вы хорошо разбираетесь в земледелии, так что вам лучше знать.

Слушая Ягды, пребывавшего в хорошем настроении, про себя Оразгелди думал: «Ну, что тут скажешь, раб он и есть раб чужой. При любой возможности старается показать себя, начинает бахвалиться». То, что должность ему досталась очень даже хорошая, Ягда кемсит понял только после того, как занял её. Естественно, в рамках своих полномочий. Он был человеком настроения, и если ему кто-то был по душе, расхваливал его, убеждая в том, что он ничуть не хуже других, а потом и вовсе мог вознести этого человека до небес. Невзирая на его недостатки, он считал этого человека мудрее, способнее других, смелее. Вот уже два-три года Ягды-кемсит был главой села Союнали, плыл по течению, считая, что эта должность дана

⁷ Пырары – одно из названий Афганистана в народе.

ему пожизненно, а значит, он может использовать её в своих интересах, для удовлетворения личных потребностей.

Попрошавшись, Ягды-кемсит продолжил путь, но вдруг остановился, словно вспомнив о чём-то:

– Оразгелди ага, если у вас не хватит семян для сева хлопчатника, мы поделимся с вами, я из города выписал, достаточно привезли. Приходи в контору, когда я буду на месте!

Неожиданное предложение Ягды-кемсита о помощи вызвало у Оразгелди растерянность. Он не мог забыть слова Нурджумы о том, кто был против его вступления в колхоз. После того ночного разговора с председателем колхоза Оразгелди стал думать о том, что Ягды-кемсит, к которому он прежде относился неплохо, теперь будет всячески вредить ему и не упустит ни одной возможности для этого. И хотя предложение было сделано на полном серьёзе, поначалу Оразгелди воспринял его как сказанное для красного словца во время нечаянной встречи. И всё же, хотя слова эти и были произнесены по ходу разговора, в них не ощущалось никакого скрытого смысла, каких-то ухищрений.

Опираясь на черенок воткнутых в землю вил, Оразгелди долго ещё смотрел вслед удаляющемуся Ягды-кемситу, думая о том, что в седле коня вчерашний мальчишка кажется внушительнее, властнее. И размышлял о превратностях судьбы.

Странное существо человек, которого сотворил Бог. Ещё вчера он держал камень за пазухой и готов был в любой момент запустить им в тебя, а вот сегодня произносит такие правильные слова. Каждый раз, думая о Ягды, Оразгелди представлял Нарлы гамышчи – человека, на худощавом лице которого выделялся внушительный нос с горбинкой, чьи руки никогда не знали покоя: то он раскладывал камыши, то сплетал их, то складывал, подготавливая к перевозке. Похоже, у такого трудолюбивого человека и сын получился таким же.

Встреча и разговор с Ягды-кемситом немного успокоили Оразгелди, на душе у него и стало немного стало светло.

* * *

И в этом году в Пенди весна пришла добрая. Подходил к концу сев хлопчатника. Дайхане трудились в поле с раннего утра до позднего вечера, стараясь не упустить ни одного погожего денька. Да и земля, напитанная влагой и вспаханная ещё осенью, была готова к приёму семени. Сейчас земледельцы закладывали основы будущего урожая. Погода сопутствовала дайханам, временами шёл дождик, увлажнял почву, и поэтому на этот раз не было необходимости перед севом увлажнять землю, как это было в засушливые годы, и заново перепахивать её.

В один из таких дней секретарь Пендинского райкома партии Ата Хымлыев, вернувшись с большого совещания в Ашхабаде, решил, что надо сразу же собрать местных руководителей, чтобы по горячим следам обсудить вопросы, поднятые в столице, и на другой же день после возвращения созвал специальное совещание. Вначале приглашённые из сёл люди собрались у здания райкома и, разделившись на небольшие группы, о чём-то беседовали. Зная о том, что секретарь райкома Ата Хымлыев вернулся из Ашхабада, гадали: «Интересно, о чём он будет говорить? Какие вести привёз оттуда?». Когда же их пригласили в зал для совещаний, они увидели, что там уже сидят люди. Рядом с Ата Хымлыевым находились и другие руководители района. Возле секретаря райкома они заняли места соответственно своим должностям.

Сам Ата Хымлыев занял место за покрытым красным сукном главным столом. Позади него на стене висел большой портрет Сталина в красивом обрамлении. Кивком головы секретарь райкома приветствовал входящих в зал, внимательно всматриваясь в их лица. Взгляд Сталина с портрета на стене был направлен на сидящих в зале и напоминал взгляд голодного волка, неожиданно появившегося в дверях незапертой овчарни.

Справа от Ата Хымлыева разместился председатель райисполкома Маммет Поллы. Внимательно слушая выступающего, он время от времени поднимал голову, словно хотел задать какой-то вопрос, бросал взгляд на секретаря райкома и по привычке поглаживал начинающие сесть усы, украшавшие его крупное смуглое лицо. После назначения председателем райисполкома в этом районе, он как-то окреп, стал солиднее, превратился в уверенного руководителя. Начальник ОГПУ Иван Сызран, по-туркменски говорящий с акцентом, похожим на татарский, вместе со своим заместителем голубоглазым Аманом орусом расположился слева от него. Оба они носили одинаковую серо-коричневую, как у Сталина, военную форму, а также фуражки с огромным козырьком, напоминающим водяную тыкву в разрезе.

Чтобы донести до слушателей то, о чём говорилось в Ашхабаде, Ата Хымлыев нанизывал однозначные слова друг на друга, подчеркивая их значимость. И хотя совещание в Ашхабаде было посвящено ходу весенних полевых работ в республике, он незаметно перевёл разговор на постановление партии от 1930 года, о котором говорил назначенный Москвой первый секретарь ЦК компартии Туркменистана Яков Попок. Речь шла о том, как на местах выполняется решение партии о непримиримой борьбе с кулачеством. С трибуны Яков Попок заявил о том, что на местах эта работа ведётся крайне медленно, что некоторые из местных руководителей, забыв о том, что являются советскими руководителями, потворствуют кулакам. Слова выступавшего заронили в души находящихся в зале людей тревогу. Да и сам Ата Хымлыев, сидя за спинами других руководителей, думал: «Как бы кулак Попока не обрушился на наши головы!». В самом деле, если покопаться, всегда можно найти у человека недостатки.

Собравшиеся в зале люди сидели, опустив головы, и вид у них был такой, словно они только что отнесли на кладбище и похоронили кого-то из близких. Никто из них не проронил ни звука, в зале воцарилась гробовая тишина. Лишь временами кто-то из руководителей простуженно кашлял, тем самым нарушая тишину. Выражение лиц, сидящих без слов говорило о том, что они хорошо понимают важность принятого партией постановления, но в решении данного вопроса и сами допустили некоторую оплошность, поэтому сидели с виноватым видом.

С некоторым пафосом доложив о том, что говорилось на совещании в Ашхабаде, Ата Хымлыев подчеркнул, что замечания, сделанные выступавшими на совещании высокопоставленными чиновниками, поставленные ими задачи касаются не только других, но и имеют непосредственное отношение к руководителям их района. Взвинтив сельских руководителей, секретарь райкома, поглаживая свой выступающий вперёд подбородок, перешёл к конкретным примерам из своего района.

Секретарь райкома, и сам постоянно живущий в страхе, имена тех колхозников, которые собирался назвать на этом собрании, заранее обсудил с начальником ОГПУ Иваном Сызранам.

Словно пытаясь взять на мушку кого-то из сидящих в зале, Ата Хымлыев, сощурился одним глазом, медленно обвёл зал взглядом. Наконец его взгляд задержался на сидящих у входа на двойных стульях, словно школьники, сложив ладони на коленях, представителях колхоза «Гызыл гошун» Ягды-кемсите и председателе Нурджуме. Почувствовав, что Нурджума хочет что-то сказать ему, Ягды-кемсит заёрзал на стуле. Он без конца гладил свой вздёрнутый нос, на котором выступили капельки пота, и было видно, как он волнуется.

– Вот, например, здесь присутствуют товарищи – председатель сельсовета села Союнали Ягды Нарлы, и председатель колхоза «Гызыл гошун» этого же сельского совета Нурджума Овез. Это люди, которым советская власть доверила работу на местах. Тем не менее, в последнее время, зачастую забывая о своих должностях, эти товарищи соблюдают интересы зажиточных людей, которых следовало бы объявить кулаками, и даже в некоторых случаях предоставляют им те же льготы, которыми пользуются члены колхоза.

По правде говоря, Нурджума совершенно не ожидал такой критики. Он считал, что для критики вообще нет никаких оснований, напротив, ему казалось, поскольку проводимая им на селе работа идёт успешно, районное руководство отметит это, скажет о нём доброе слово.

Колхоз «Гызыл гошун» одним из первых в районе завершил сев хлопчатника. Давным-давно очищены и подготовлены оросительные сети, в любой момент можно было убирать плотину и пускать воду. Сейчас в разгаре окот овец, словом, небольшие достижения наблюдались и в других отраслях. Казалось бы, здесь нет никаких оснований для неприятного разговора. И потому критика Ата Хымлыева была похожа на желание подпортить настроение хоть кому-нибудь.

– У нас есть точные сведения о том, что в этом колхозе в ходе весеннего сева несколькими богатыми семьям выделяли семена хлопчатника, предназначенные для колхозников. На том Ашхабадском совещании первый секретарь партии товарищ Попок верно подметил, что, к сожалению, на местах ещё остались люди, поддерживающие отношения с представителями зажиточного сословия, что вместе с ними льют воду на одну и ту же мельницу. – В этом месте речи секретаря райкома заместитель начальника ОГПУ Аман орус, до того сидевший с важным видом и будто раздувавшийся на глазах, едва заметно обернулся и с недовольным видом посмотрел в ту сторону, где сидели Ягды-кемсит и Нурджума башлык. В его взгляде читался вопрос: «В самом деле?». В это же время Ягды-кемсит, не ожидавший, что меч критики обрушится на их головы и надеявшийся, что это не коснётся их, сидел тихо, низко опустив голову, словно хотел спрятаться от посторонних взглядов.

Каким бы грозным ни был взгляд Амана оруса, на Нурджуму он особого впечатления не произвёл. Напротив, высокомерие этого выскочки разозлило председателя колхоза, задело его за живое.

Хотя Нурджума производил впечатление человека слабого, на самом же деле отличался он когда надо мужеством. Народ помнил его смелые поступки, совершенные ещё в подростковом возрасте. Волею судьбы он отправился мстить, когда ему не было ещё и пятнадцати лет. И с честью прошёл это испытание. Он тогда вступился за жену старшего брата, которая была замужем уже несколько лет. Так вот, когда мужа той долго не было дома, односельчанин по имени Андым каким-то способом склонил её на свою сторону и увёз, чтобы жениться на ней. Вот тогда-то юному мстителю пришлось обнажить свою короткую саблю. Вместе с двумя мужчинами – родственниками он пустился в погоню за ними. Они догнали беглецов вдали от села, на старой дороге Пенди – Керки. Андым, думая, что ему удалось оторваться от села на достаточное расстояние погони не ждал и в это время отдыхал, расположившись на вершине одного из холмов. Они чаёвничали с беглянкой Гульджемал, тесно прижавшись друг к другу.

Андым увидев мчащуюся в его сторону тройку лошадей, сразу же понял, что это его мстители, и схватился за саблю, лежавшую рядом. И подумав о том, что одному ему не справиться с тремя всадниками, стал искать способ разобщить их. Когда скачущий во главе мстителей Розы-чолак (хромой) оказался близко, он крикнул ему, что поведение того – настоящая трусость:

– Эй, Розы-чолак, разве я вашу женщину забрал, прибыв к вам с целым войском, что вы целый отряд снарядили за мной? Да вы самые настоящие трусы, выходите против меня по одному, если вы такие смелые!

Розы-чолак остановился и отступил, пропуская сначала Нурджуму как близкого родственника оскорблённого мужа женщины.

– Иди, сынок, отомсти ему! Смой свой позор!

Видя, как мальчишка, обнажив короткую саблю, помчался прямо на него, Андым понял, что его хитрая уловка удалась. Когда конь юноши подлетел совсем близко и был готов растоптать противника, хитроумный Андым снял с себя дон и несколько раз встряхнул его в воздухе. Испуганный конь Нурджумы отскочил в сторону. Но какие бы уловки ни использовал хитроумный Андым не позволить противнику вплотную приблизиться к себе. Разозлённый Нурджума верхом на коне старался. Натягивая поводья коня, он нападал то с одной, то, с другой стороны. Но скоро Розы-чолак видел, что хотя Нурджума был на коне, Андым не сдастся, напротив, он

всеми способами изматывать мальчишку. Наблюдая это со стороны, Розы-чолак определил для себя что силы неравны. Вот-вот Андым одалеет юношу. И тогда Розы-чолак не мог спокойно сидеть он снял с седла лежавшую поперёк многозарядную винтовку, и он выстрелил, когда поднималась рука с саблей Андыма.

Обливаясь кровью и пытаясь доюить Нурджуму, Андым снова выкрикнул, обвинив Розы-чолака в трусости:

– Эй, чолак, да ты как баба поступил!

На что Розы-чолак ответил:

– Ничего, я просто уравнил ваши силы. А разве с твоей стороны не трусость воевать с зелёным мальчишкой?! Ну, а теперь все равны, если тебе по силам, одолей его!

И тогда Нурджума, внутри которого всё ещё пылал огонь мщения, своей шашкой смертельным ударом снёс голову Андыма...

Вспыльчивость в жизни Нурджумы односельчане объясняли тем, что он тогда видел кровь...

Когда секретарь райкома стал связывать милосердное отношение к кулакам с семенами хлопчатника от колхоза, председатель райисполкома Маммет Поллы беспокоился; менялось его лицо, то немного краснея, то бледнея. Словно надеясь на то, что эта стрела пролетит мимо и не коснется его, он сидел с низко опущенной головой, старался не замечать взглядов союзналийцев, которые после критических замечаний повернулись в его сторону и взглядами спрашивали: «Что всё это значит?».

Делясь с земляками излишками хлопковых семян, Ягды и Нурджума решали этот вопрос не самостоятельно. В те дни в село по делам приезжал председатель райисполкома, и они советовались с ним: «Как быть, если единоличникам не выдать немного семян, они не смогут провести посевную!» На что тогда же получили ответ:

– Нельзя допустить, чтобы земли пустовали. Если у вас образовались излишки, поделитесь с ними. Мы же облагаем их налогами, когда урожай поспекает, значит, в этом году возьмём с них больше налога. И потом, даже если мы с ними делимся, урожай ведь не уходит на сторону, опять же к нам возвращается.

По тому, как сейчас чувствовал себя Маммет Поллы, Ягды-кемсит подумал про себя: «Похоже, товарищ Маммет Поллы не успел посоветоваться с секретарем райкома». И понял, что тот сейчас не в состоянии вступить за них, а все критические замечания адресованы ему и Нурджуме.

По природе своей несколько беспокойный Нурджума, подумав о том, что его ответ может прозвучать против Ата Хымлы, не смог долго молча переваривать сказанное, как это делал Ягды-кемсит. Почесал затылок, заёрзал на месте, давая понять, что у него испортилось настроение. Сейчас ему хотелось развеять тучи, сгустившиеся над ними после слов секретаря райкома, рассказать людям, что стало причиной таких упреков. Когда же секретарь райкома сделал паузу, как вдруг Нурджума неожиданно встал с места, возразил:

– Товарищи, что это за разговоры такие пошли, о чём это? – давая понять, что он не согласен с высказанной критикой.

– А разве неправда то, что было сказано про вас, союзналийцы! – вопросом на вопрос ответил Ата Хымлы, которому не понравилось, что его перебили.

Не считаясь со статусом секретаря райкома, Нурджума продолжил в том же духе:

– Может, оно и не неправда, но уж точно и не совсем правда! Колхоз завершил сев хлопчатника. И потом, даже если мы хотели и дальше сеять, у нас нет для этого готовых освоенных земель. Остались семена, где-то с пуд-полтора пуда, вот мы и раздали их нескольким семьям единоличников. По крайней мере, мы не выдавили из этих семян масло и не съели его. И не выбросили семена в враг. А у некоторых единоличников есть земля, да нечем её засеять, а если и есть семена, то самая малость. И в том, люди, в какой-то степени виноваты мы сами.

Давайте вспомним, как мы в прошлом году поступили с урожаем хлопка, полученного единоличниками. Сначала забрали половину в виде налога, это раз. А потом, заявив, что сверху району спустили дополнительный план, забрали у них и остатки семенного материала... Разве это не глупость – оставить землю незасеянной? И потом, даже если единоличник снимает богатый урожай, куда он девается, не на сторону же уходит, опять же своему государству достаётся. Разве не так?

Когда выступление Нурджумы дошло до этого места, Аман орус, слушавший всё это время с недовольным видом, – ему не нравилось, что Нурджума вступил в спор с чиновником такого ранга – решил высказаться упрёком. Посмотрев сначала на секретаря райкома, а затем на своего начальника, сидевшего с отсутствующим видом, словно ему была неинтересна вся эта перепалка, и произнёс. Подошел к вопросу с другой стороны:

– Неужели ты, Нурджума, думаешь, что без единоличников колхоз пропадёт?

Договорив, он резко обернулся и одернул полы рубахи с видом человека, готового прямо сейчас напасть на Нурджуму.

Поняв, что слова Нурджумы стали поводом для их травли со стороны ОГПУ, Ягды-кемсит озабоченно произнёс:

– Нет, ты посмотри на этого, а ведь он, высказавшись таким образом, надеется, что его словам поверят. Сидел бы себе тихо, напротив, повинился бы, мол, нечаянно это случилось, ошиблись, исправимся, так нет ведь, надо громогласно заявить о себе, показать, кто есть, кто!

Обычно на таких собраниях руководители ОГПУ брали слово в числе последних. Но на этот раз правила были нарушены. Ясно же, что слова Нурджумы не понравились Амано орус, вот он и решил таким образом отомстить ему. Возвышаясь над всеми с видом победителя, он словно спрашивал: «Кто ещё так думает?» Поворачивая голову из стороны в сторону, он со злобью посмотрел на собравшихся в зале людей.

А потом и вовсе стал распляться. Кажется, он всю свою злость собирает выместить на Нурджуме. Однако, заговорив, он повёл разговор издали, как это делали многие руководители.

– Товарищи, есть один разговор, который надо бы знать, чтобы потом из него извлечь уроки для себя, – начал он своё выступление.

Уже по тону речи заместителя начальника ОГПУ, собравшиеся поняли, что сказанное им должно касаться каждого из них.

А вообще-то люди хорошо знали Амано оруса, его манеру говорить, он всегда давал понять, как гордится своей должностью, но ещё он умел подстрекать и давить на людей, натравливать их друг на друга.

– Среди нас, товарищи, есть люди, потребляющие хлеб-соль большевиков и предающие их, потому что никак не могут вырваться из родственно-имущественных сетей. На этот счёт у нас достаточно сведений... Недавно один из сельских руководителей помогал одному баю, который бежал за границу, а перед тем зарыл в землю всё своё зерно, так вот, когда он на нескольких верблюдах вернулся за ним, нашлись люди, которые в ту же ночь помогли ему отрыть спрятанное зерно, погрузить на верблюдов и вывезти из страны.

Аман орус не называл никаких имён, будто не знал, на кого возвести напраслину, кого оклеветать, и поэтому говорил на каком-то непонятном птичьём языке. У него была такая манера, он никогда не говорил всей правды, всегда что-то недоговаривал, и люди начинали строить догадки. Прекрасно знал, что в таком случае всё сказанное незамедлительно отложится в сознании всех слушателей, и это будет похоже на то, как сразу же приклеивается тесто к раскалённым стенкам тамдыра.

Приведя этот пример, Аман орус собирался затем адресовать упрёк Нурджуме и Ягды-кемситу, который сидел с низко опущенной головой с видом человека, совершившего непростительный проступок, виновному. Он хотел сказать им: «И то, что вы сделали, равносильно

тому, что бежавшему в Афганистан баю была оказана помощь, поэтому и вас можно назвать предателями». Но то ли подействовал тон разговора, то ли почувствовал, что сгустившиеся над головами других чёрные тучи могут задеть и его, в этом месте выступления Амана орус вдруг вскочил с места председатель колхоза имени Кагановича Джотды майдаджа:

– Кто это, Аман ОГПУ? Если такой человек присутствует среди нас, я сам ему глотку перегрызу! – размахивая руками и тряся головой, он стал озираться по сторонам искав глазами среди этих людей. И если бы Аман орус назвал сейчас хотя бы одно имя, можно было не сомневаться, что он сразу набросится на этого человека. Джотды-майдаджа был одним из тех, кто поднялся с приходом советской власти, а до того влачил нищенское существование, перебивался с хлеба на воду. Он был благодарен советской власти за то, что она так высоко подняла его, предоставила ему такую высокую должность. Он был одним из тех, кто искренне поверил новой власти и всем сердцем служил ей. Он считал своим долгом показывать людям свою преданность новой власти, доказывать её на деле. Этому соответствовал и его несколько заносчивый характер. Когда на одном из недавних собраний начальник ОГПУ сказал, что каждое село должно предоставить списки людей, которых следует привлечь как кулаков, многие потупили взоры, посчитав для себя такой поступок неприличным. Лишь один Джотды майдаджа раньше всех вскочил с места и, стоя, загибал пальцы, называя имена пятерых своих односельчан, которых следовало привлечь к ответственности как кулаков. Работники ОГПУ тогда сказали: «На местах надо работать так, как Джотды ага, брать с него пример». И если бы Аман орус сейчас назвал какие-то имена, здесь вполне могли начаться самые настоящие собачьи бои. Для этого достаточно было натравить Джотды-майдажду. Аману орусу в этот раз не понравилось вмешательство коротышки Джотды, потому что его выходка могла превратить затеянный им серьёзный разговор в фарс, игру для развлечения собравшейся в зале публики. Оратор в один момент с недовольным видом замолчал. На лицах сидевших людей появились едва заметные усмешки. Как бы там ни было, Джотды майдаджа был серьёзен как никогда.

Аман орус почти приготовился назвать имя человека, о котором говорил, но, видя, как повёл себя Джотды, который мог устроить потасовку в помещении серьёзной организации, промолчал.

Напротив, и ведущий собрания секретарь райкома Ата Хымлы, и сам Аман орус постарались утихомирить разбушевавшегося коротышку: «Успокойтесь, Джотды ага, успокойтесь!»

А после секретарь райкома постарался сгладить возникшую неловкость: «Даже если мы так говорим, это вовсе ничего не значит, не стоит акцентировать на этом внимание». Желая разрядить обстановку, он говорил спокойно. Названные недостатки и замечания адресовал не одному селу, а всему району.

Поскольку примирительные голоса звучали со всех сторон, Джотды в конце концов успокоился и сел на своё место. В зале воцарилась непонятная тишина.

После этого несколько снизился пыл и у Амана оруса, хотя и начинал он свою речь тоном обвинителя. Покосившись на Джотды-майдажду, он всем своим видом выразил недовольство тем, что его перебили, своё выступление продолжил уже без прежнего вызова. Подчеркнув важность и своевременность задач, поставленных на совещании в Ашхабаде, он коротко подвёл итоги своего выступления, хотя до того собирался произнести обширную речь, привести примеры. И всем стало понятно, что предыдущий разговор сошёл на нет.

Когда же после Амана оруса слово попросил молодой председатель колхоза «Тязе ёл» («Новый путь») Яздурды Бекназаров, все подумали, что и он построит своё выступление на итогах ашхабадского совещания. Молодой председатель был человеком крупным, широкой кости, богатырского телосложения, смуглым. Взяв слово, он встал с места, всем своим корпусом навис над сидящим перед ним и обратился к только что завершившему своё выступление Аману орусу:

– Товарищ Аман, я хочу у Вас спросить?

– Говори, Яздурды, – с места ответил Аман орус, согласно кивнув этому могучему парню.
– Вот о чём я хочу сказать вам. Если помните, товарищ Аман, пару месяцев назад житель нашего села Берди Готур оглы был обвинён в неблаговидном поступке и арестован.

– Да, этого смутьяна я сам арестовал и увёз из села. А как же, если он противник, мы вынуждены его наказать. Поймали, допросили, обвинили, наказали. Это наша обязанность.

– С этим-то я согласен, – в словах Яздурды прозвучали нотки недовольства. Это почувствовал, и Аман орус, похоже, молодой председатель собирался задать ему не совсем корректный вопрос. С надменным выражением лица он посмотрел прямо в глаза молодого председателя, холодным взглядом желая пригвоздить его к месту. А заодно приготовился дать ответ этому выскочке. Молодой человек догадался, что Аман орус напоминает ему о том, кто есть кто, пытается подавить его. Заговорил, не глядя в глаза оппоненту:

– Вы тогда обвинили парня в том, что он переправил в Афганистан серого колхозного иноходца, и за это арестовали его.

– Помню.

– А если помните, то Берди Готур не переправлял того коня в Афганистан.

– Как это понимать? Не переправлял коня, которого переправил в Афганистан? – вопросом на вопрос молодого человека ответил Аман орус. Он потребовал от молодого председателя колхоза объяснений. В поисках поддержки Яздурды посмотрел по сторонам, после чего продолжил:

– Товарищ Аман, этот наш конь освободился от привязи и ушёл не в Афганистан, а далеко в пески, туда, откуда мы забирали его.

– Ага, вернулся, значит? – горькая усмешка в устах Амана оруса дала понять людям, какой смысл вложил он в свои слова. Сейчас эти двое были похожи на людей, сцепившихся друг с другом из-за предмета, который не смогли поделить.

– Да, товарищ Аман, наш конь ржёт в своем стойле!

– А ты знаешь, откуда вернулся этот конь? Откуда ты знаешь, не из Афганистана ли вернулся конь в своё стойло? Или ты думаешь, что конь, освободившийся от привязи, не может вернуться из Афганистана, оттуда, куда его увели? И потом, Берди Готур во время допроса и сам признался в том, что перегнал колхозного коня в Афганистан. У нас есть его показания, заверенные отпечатком пальца.

Этот неожиданно вспыхнувший разговор закончился тем, что Аман орус стал победителем, поскольку сразу же давал ответы на все вопросы молодого председателя, а Яздурды остался в проигрыше и подозрении. И потом, кто может рассчитывать хоть на какую-то победу, когда действует всемогущий ОГПУ? Переиграть Амана оруса было невозможно, слишком он был уверен в своих силах, гордился своей должностью, хотя и вышел из самых низов. Про таких говорят: из грязи в князи. Да, сейчас наступило их время, время, когда они не знали поражений. Это ещё раз доказал Аман орус, без промедления отвечавший на двусмысленные вопросы молодого председателя. А вот молодой председатель после этой словесной перепалки оказался занесённым в число неблагонадёжных с низким чувством патриотизма⁸.

Как бы там ни было, оставалось согласиться с Аманом орусом. И потом, выступая на совещании, начальник ОГПУ товарищ Иван Сызран сказал: «Нам не по пути с теми, кто поддерживает баев и кулаков».

⁸ ...Но всего через какие-то 9-10 лет будут писать не о тех, кто сегодня считает себя властителем и патриотом в высоком смысле этого слова, а о гвардии старшем лейтенанте Яздурды Бекназарове, которого сегодня упрекали в недостатке патриотизма... В 1942 году, в самый разгар войны, военная газета «Отважные патриоты» в передовой статье пишет: «Красный воин! Ты должен бить врага и уничтожать его так же, как батальон гвардии старшего лейтенанта, отважного сына как Яздурды Бекназарова!» И была в этих словах высокая гордость за нашего земляка, на поле боя, показывавшего храбрые примеры патриотизма.

Молодому председателю, не ожидавшему, что его выступление обернётся таким образом, что он не найдёт, что ответить Аману оруссу, поскольку тот подавлял своим напором, не оставалось ничего иного, как пойти на попятный и согласиться со сказанным. Во время пылкой речи Амана орусса про себя молодой председатель думал: «Кто же не знает, как вы умеете выбивать показания из человека, попавшего в ваши лапы? Но я не думаю, что попавший к вам в руки Хеззи батыр не умолял вас не пытаться его, он готов был признаться даже в том, что убил Ленина, только не пытайте меня, лучше сразу пристрелите!» – просил он». Поняв, что ему не по силам тягаться с ОГПУ, больше не сказал ни слова. А ведь ещё утром, отправляясь на собрание, он собирался сообщить радостную весть о возвращении коня, освободить из заключения Берди Готура и вместе с ним вернуться домой, в село. Но ни о чём таком не знал молодой председатель Яздурды Бекназар, когда поднимал этот вопрос. Он думал лишь о своём односельчанине, который находился в застенках ОГПУ в городе. Но уже случилось всё, что должно было случиться после предъявления Берди Готуру обвинения. Обвинив его в нанесении ущерба колхозу, работники ОГПУ отправили Берди Готура в далёкую ссылку по дороге горя и лишений.

...Постепенно разговор вернулся в прежнее русло, без конца упоминались опять Ашхабад, Попок. Говорилось о том, что из этого своевременного выступления должны быть сделаны правильные выводы, тогда жизнь колхоза расцветёт пышным цветом. Но теперь все речи были похожи, как близнецы-братья, не были эти выступления искренними, напротив, выступающим хотелось, как можно скорее отделаться, и поэтому сидящие в зале люди не воспринимали их, им казалось, что всё это говорится не для них, а для кого-то другого.

Среди присутствующих были и руководители, которым хотелось при удобном случае задать руководителям ОГПУ ещё вопросы. Не так давно не только из колхоза «Тязе ёл», но и из Союнали, Байрача, Эрдена и Хорасана, из колхоза «Пограничник», заселённого при царе сосланными с Украины хохлами, были арестованы и увезены на допрос в город люди. Двое из них были жителями колхоза «Гызыл гошун». Нурджума шёл на это собрание с намерением встретиться с руководителями ОГПУ и выяснить у них хоть что-то о судьбе своих односельчан. Узнав о том, что он собирается в город, родственники арестованных умоляли председателя колхоза привести им хоть какую-то весточку об их близких. Женщина, чей сын тоже находился в застенках ОГПУ, утирая концом лёгкого желтого платка слёзы, умоляла: «Даже если ты не сможешь освободить его и привезти домой, узнай хотя бы, жив ли мой сын, уж очень зловещие сны мне снятся. С тех пор, как его забрали, я не нахожу себе места ни дома, ни на улице, все ночи напролёт проливаю слёзы, спать не могу!». Но, видя на примере председателя колхоза «Тязе ёл», как извращаются заданные вопросы, в результате чего задающий вопрос сам становится чуть ли не врагом, Нурджума решил повременить, спросить уже после собрания, в спокойной обстановке, зайдя к начальнику ОГПУ в качестве просителя.

Нурджума был не прочь оставить разговор с ОГПУ о своих односельчанинах на потом, после собрания. Он надеялся, что в таком случае ему повезет, удастся поговорить с начальством с глазу на глаз, и найти общий язык и с Аманом оруссом. Сославшись на дела, он после собрания расстался с Ягды и по-новому занялся отставленным делом.

Пройдя мимо добротных, красивых, сложенных из кирпича домов бывших зажиточных купцов, он прошёл ещё немного и достиг здания ОГПУ. Эта организация располагалась в самом последнем доме в ряду бывших байских домов. Войдя во двор, Нурджума увидел стоящих на привязи с правой стороны знакомых коней Амана орусса и Сызрана. Чуть в сторонке стояла гнедая лошадь Сызрана, впряжённая в удобную и просторную крытую карету, экспропрированную у купца-армянина. На ней Сызран особенно любил ездить. При виде стоящих на привязи коней, Нурджума успокоился. Значит, все на месте, можно не переживать, что кто-то куда-то уехал по делам.

В приёмной Амана оруса Нурджуму встретил одетый по военной форме высокий юноша с глазами, как у совы, он увлечённо вчитывался в какой-то документ. Выслушав Нурджуму, юноша – секретарь доложил: «Сейчас у товарища Аманова находится человек из колхоза «Гызыл Гошун», – и указал ему на свободное место среди людей, ожидавших своей очереди на приём. Но когда юноша с совыими глазами сказал, что у Аманова находится человек из колхоза «Гызыл гошун», Нурджума ощутил неприятный холодок внутри себя. «Кто бы это мог быть? Уж точно не Ягды-кемсит, он ведь только что зашёл в кабинет председателя Маммета Поллы, чтобы о чём-то посоветоваться с ним». Это мог быть Хардат кепретил, приехавший из города под предлогом получения товара, или же налоговый Баллы. Расстояние было немаленьким, поэтому из села редко кто приезжал в город. Но ведь Нурджума видел их перед поездкой, и никто из них не сказал, что тоже собирается в город. Тогда кто же это может быть, что за человек находится в кабинете заместителя начальника ОГПУ?

Когда ждёшь, время останавливается. А тот, что был в кабинете, всё никак не покидал его, будто свататься приехал. В это время юноша с совыими глазами с каким-то документом в руках вошёл в кабинет начальника, и дверь осталась немного приоткрытой. Стали слышны доносящиеся оттуда голоса. Знакомый голос. Нурджума превратился в сплошной слух, тем более, что и сидел он ближе всех к двери кабинета.

– Конечно, бдительность и ещё раз бдительность! – это был зычный голос Амана оруса. Он как раз попрощался со своим собеседником.

– Будем бдительны, товарищ Аман! Уверяю вас, товарищ Аман, буду доносить обо всём, что творится на селе!

Этот грубый и глуховатый голос, словно говоривший вплотную придвинулся к своему визави, принадлежал Хардату кепретчили.

Увидев Хардата, выскочившего из кабинета Аманова и без оглядки прошедшего мимо, Нурджума ощутил горячую волну по всему телу. Вообще-то он и раньше подозревал, что Хардат поддерживает с Аманом связь. Но по простоте душевной до сих пор ему и в голову не приходило, что тот был доносчиком и осведомителем. Но вот именно в эту минуту ему вдруг вспомнилось, как Хардат на собраниях заявлял: «Если что, можно посоветоваться с товарищем Аманом».

Заручившись поддержкой Амана и получив от него новые указания, окрылённый Хардат, не обращая внимания на сидящих, легкой походкой вышел из здания ОГПУ. После этого, поняв, что ему не стоит идти к Аману, что толку от его визита не будет никакого, Нурджума бросил ждущим своей очереди людям: «Я скоро вернусь!» – и быстро покинул помещение, словно у него появились неотложные дела.

Ему стало ясно, что птичка, которую он намеревался поймать, уже давным-давно поймана, ощипана и готова для жарки в котле при помощи таких пособников ОГПУ как Хардат.

* * *

В Союнали продолжалась непонятная, беспокойная жизнь. Дни тянулись один другого тоскливее, они были похожи на осенний ветер, который пригонял то пыль и грязь, то гнал чёрные тучи, заставляя людей с тоской смотреть на небо, и казалось, что уже ничего хорошего не стоит даже ждать.

Через два-три дня после ночного разговора с Нурджумой несколько человек из рода бяш-белаларов собрались в доме Кымыш-дузчы, чтобы решить, как им быть дальше. Семья только что поужинала, уже убрали сачак, и сыновья Кымыш-дузчы были заняты традиционным после вечерней трапезы чаепитием, тихо о чём-то переговаривались, готовясь расходиться по домам. Невестки, уже поужинавшие прихватив с собой детей, разошлись по своим кибиткам.

В помещении стоял запах дыма от очага, не прогоревшего полусухого тамариска.

Когда начали собираться в доме близкие родственники, бабушка Джемал отправила старшую внучку Акджагуль во двор за казаном, чтобы подогреть оставшуюся еду и подать гостям, и поставила холодный котёл на очаг.

Когда дрова в очаге разгорелись, пламя костра, смешавшись с тусклым светом масляной лампы, стоящей на перевернутой старой деревянной миске, осветило комнату ярким светом. Стали отчётливо видны озабоченные лица сидящих мужчин.

Не обращая внимания на слова одного из деверей, сказавшего «Гелнедже (обращение к жене старшего брата), не стоит беспокоиться, мы уже поужинали», заботливая бабушка Джемал сказала им: «Поедите столько, сколько сможете» и подогретую еду вместе с лепёшкой поставила перед мужчинами.

Собравшиеся какое-то время тихо беседовали и понемногу ели. Говорили в основном о ходе сева хлопчатника, о том, что для подкормки колхозные земли удобрили навозом, золой. Словом, под руководством Ягды и Нурджумы всё делали хорошо и вовремя провели сев.

Кымышу-дузчы не хотелось верить в плохое, он надеялся, что постепенно всё встанет на свои места. Однако и он чувствовал, как чёрная тень большевистских стервятников уже летит на крышу его дома тоже. Теперь по селу с некоторых пор гуляли невесть откуда взявшиеся неприятные слухи. Поговаривали о том, что «Правительство собирается прибрать к рукам земли единоличников Гуллы эмина, Джуманазара бая, Тайыр бая, забрать у них землю и воду и передать колхозу». Зачастую среди имён этих людей появлялось и имя Кымышы-дузчы. Больше всего этими слухами в основном занимались женщины. Стоило встретиться двум женщинам где-нибудь, как они часто между собой заводили разговор о наболевшем. Причём, многие переживали за эти семьи, которые не пришлось ко двору новой власти, и конечно были по-другому думающие если с нами что случится, остальные заживут лучше.

Иногда, приходя к арыку за водой, женщины отставляли в сторону свою посуду и, бросая взгляд в сторону дома Кымышы-дузчы, разговорились друг с другом: «Ну, что, слышала?» Рассевшись на земле, они иногда забывали, зачем сюда пришли, и горячо обсуждали то, что ждёт всех впереди. Некоторые из них так увлекались сплетнями, что порой домашние начинали волноваться, уж не унесла ли их вода, и посылали за ними. Да и другие женщины вдруг спохватывались, что слишком долго заняты сплетнями, восклицали: «Ой, девчонки, что-то мы заговорились! Надо собираться, пока наши мужья, как Нумат гарын, с плётками в руках не погнали нас отсюда!» Упомянув Нумата гарына, с плёткой в руках постоянно рыскавшего по селу в поисках своей гулящей жены и при этом ругавшегося, они быстро отправлялись по домам. В один из таких дней, находясь на поминках, Огулджума заметила, как две женщины, низко надвинув на глаза свои поминальные пуренджеки и забыв о том, где находятся, о чём-то тихо перешептывались, взглядом показывали друг другу на неё. Одна из женщин была краснолицей, у второй было худое лицо с крупным носом, не совсем знакомое, скорее всего, она в этом селе оказалась случайно. Огулджума несмотря на то, что не слышала их шёпот, но поняла, они тоже говорят о том же. Об нависшей угрозе, беды на их дом.

Среди тех, кто сейчас собрался в доме Кымышы-дузчы, чужих не было, это были сыновья его братьев, ушедших в мир иной раньше него. И все они сейчас жили по соседству со стариком.

Всем было ясно, что опасность, как послеполуденная тень, то уменьшаясь, то увеличиваясь, подходит всё ближе, нависла над ними, и от неё уже никак не спрятаться, значит, надо что-то предпринимать. Близкие собрались в доме дяди, чтобы сообща решить эту проблему, выслушать старика и поступить так, как он посоветует.

Нет, конечно, сложившаяся обстановка ни для кого не была новостью, чем-то неожиданным. Советская власть, взяв в свои руки бразды правления, измывалась над народом, держала его в своём кулаке. Всем было ясно, что своего она добьётся любой ценой. Зная повадки тех,

кто сильнее, народ хорошо понимал это. А то, что со временем все станут равны, советская власть говорила в самом начале своего прихода.

Ахмет забун и Баллы, скрестив ноги, сидели напротив Кымыш-дузчы. На лицах читалось беспокойство. Временами Ахмет, слушавший других, вдруг начинал хмуриться, словно что-то вонзалось ему в бок, брови сходились на переносице, и было видно, что, хотя он слушал говоривших, мысли его были совсем в другом месте.

Оразгелди, считавшийся крепче и старше других, сидел всё на том же месте – около отца, прислонившись к стоявшему за спиной сундуку со сложенными на нём спальными принадлежностями. Он молча обдумав разглядывал собравшихся в их доме двоюродных братьев. Все были погружены одними и теми же мыслями. Все тянули время, никак не могли перейти к основному разговору, ради которого собрались в этом доме. Младший сын Кымыш-дузчы Оразгылыч вместе со своими ровесниками Махы и Магсудом, Ховелом и Сахетдурды молча сидел немного в сторонке.

От очага Джемал мама передала собравшимся чайник с заваренным чаем и пиалы. После того, как Джемал мама со словами «Идите, поиграйте со своими братишками» выпроводила и своих помощниц Акджагуль, Огулбике. В комнате остались только взрослые.

Кымыш-дузчы был благодарен племянникам, которые пришли к нему за советом, несмотря на то, что советской власти не нравилось, что эти ребята общаются с теми, кого эта власть преследует. Помнили эти парни добро, ведь было время, когда Кымышу приходилось делить с ними свой кусок хлеба, подкармливать их. Он мысленно думал: «И в самом деле, получилось по поговорке: в сытости чужой, в трудную минуту – родной». Племянники ждали, что сейчас либо сам Кымыш, либо его старший сын Оразгелди произнесут: «Ребята, не откладывая на завтра, мы намерены перебраться в Пырар, вы же можете перетащить вещи через реку». Эти слова конечно должны были быть произнесены кем-то из хозяев дома. Остаться здесь и дальше было попросту опасно. Это было равносильно тому, чтобы добровольно положить голову на плаху. Однако сидящие в доме вели себя так, словно им ничего не было известно о гуляющих по селу тревожных слухах, а если и было известно, они не придавали им значения, будто их это не касалось, уж слишком спокойными они казались.

После последних длившихся несколько дней затяжных дождей земля никак не просыхала, да и семян не хватало, поэтому отдельные единоличные хозяйства припозднились с севом хлопчатника. И это немного беспокоило земледельцев. Как правило, поздние посевы требовали много ухода, за ними надо было смотреть, как за больным ребёнком. Но если до двадцать второго июня, до того, когда солнце даст обратный ход, удастся хотя бы один раз полить посевы, дело пойдёт на лад. После этого как по заказу полезут вверх зеленые росточки с лепестками в виде мышинных ушек. Остальное будет зависеть от твоего старания. Если вовремя поливать и вносить удобрения, не дать почве пересохнуть и превратиться в комки, вовремя обрабатывать междурядья, да от сорняков очищать, и не заметишь, как твои посевы быстро догонят те, которые были высажены раньше.

Собравшиеся говорили о чём угодно и никак не могли приступить к главному разговору, ради чего и собрались здесь.

Когда же худощавый Махы, пальцами ковыряя узоры кошмы, рассказал, как Оррам кел, недавно назначенный заведующим колхозной фермой крупного рогатого скота близкий родственник председателя сельсовета, высказывался о семье Кымыше дузчы, настроение людей заметно ухудшилось. Было видно, что они забеспокоились. Казалось, вот сейчас разговор повернёт в нужное русло.

Изображая Оррама, он повторил его слова в той же издевательской интонации:

– Оказывается, этот старичок Кымыш-дузчы в одиночестве ест сырые сливки и наслаждается жизнью. Ну да, человек знает себе цену, о здоровье своём печётся. А его сыновья якобы угощают тех, кто заходит к ним, изображают из себя хлебосольных, чтобы все вокруг знали об

этом. «Люблю я сырые сливки со свежеиспечённой лепешкой», – говорят они. Можно подумать, как будто другим это не нравится, когда найдут. Вот ведь бесстыжие, знают, что говорить!»

Чувствовалось, что этот издевательский полушутливый рассказ на всех подействовал по-разному. Ахмет вспыхнул, вскочил с места, воскликнул: «Вот свинья!» Баллы внимательно смотрел на Оразгелди, ожидая его реакции. Сахетдурды, раздувая ноздри, хотел что-то сказать, но передумал, схватился за щеку, будто у него заболел зуб, и тоскливо молчал. Сидевшая у очага Джемал мама, близко к сердцу принимающая все разговоры о своей семье, не выдержала, вспыхнула, будто кто-то поднёс к её фитилю огонь. Кочергой вороша угли в очаге, она, даже зная, что женщине не стоит вмешиваться в разговоры мужчин, всё же не удержалась, заговорила возмущённо:

– Что, этим советам кроме моих сыновей не за кого больше взяться? Среди тех, кто стрелял в большевиков, родственников Кымышы не было, и среди басмачей их нет. Всю жизнь копаются в земле, трудятся, как проклятые. Можно подумать, сыновья Кымышы как будто жён башлыков соблазнили...

Потом сама же ответила на сказанные в сердцах собственные слова:

– На что моим сыновьям ваши безмозглые жёны, страшилки, у них вон какие свои красавицы жёны...

Вспышка Джемал мама вызвала на смущённых лицах, сидящих тёплые улыбки.

Все сидящие в доме считали Джемал маму матерью всех баяшбелаларов, а значит, и их мать, относились к ней с огромной любовью и уважением. С того дня, как Кымыш ага взял на себя ответственность за всех баяшбелаларов, она была его верной помощницей. И с тех пор эти двое подставляли плечо тем, кто нуждался в помощи, искали и находили заблудших и возвращали в свой стан, давали им кров и еду, помогали завести семью. Вот и те, кто сейчас находился в доме, были вскормлены у миски с молоком Джемал мама, те, кого она вывела в люди наравне со своими детьми. И до сих пор дети из бедных семей баяшбелаларов поутру, кто самостоятельно, а кто и с младшим братом-сестрой на горбу, стекались к дому Джемал мама, где для них с вечера была заготовлена еда: в миску с молоком подсохшая лепешка, а рядом миска со сливками. Вдоволь наевшись, дети расходились по домам, всю дорогу вспоминая вкусное угощение бабушки Джемал. Все эти годы, с любовью обслуживая баяшбелаларов, Джемал мама потихоньку старела. Мать гордилась тем, что почитание, с которым относились к её состарившемуся мужу, постепенно переходит к их старшему сыну Оразгелди, а женские заботы взяла на себя его жена.

Когда к её мужу и сыну приходили за советом, она никогда не уходила в сторону, не говорила, что женщине нечего делать среди мужиков. Сидела у очага, подавала мужчинам еду и чай, внимательно прислушиваясь к их разговорам.

Кымыш-дузчы, после этого недовольный тем, что его жена вмешивается в разговор мужчин, покосился в её сторону, взглядом давая понять, что негоже ей так вести себя. А затем, предупреждая новый всплеск её эмоций, воскликнул требовательно: «Женщина!», указывая ей на её место.

Обычно Джемал мама сдержанна, завести её не так-то просто, но в этот раз она не сдержалась, вспыхнула. А вообще она никогда не оставляла без ответа разговоры, наводящие тень на плетень её дома. Однако сегодня она не могла промолчать, слишком несправедливыми показались ей приведённые слова, поэтому тот, кто произнёс их, становился похожим на вышедшего на охоту волка, а Джемал мама превращалась в быка, рогами вперёд пошедшего на врага, чтобы защитить своего телёнка. Поскольку такой характер был присущ многим женщинам, вспышка Джемал мама мало кого удивила.

– Да он же по происхождению из рабов, откуда ему знать такие вещи? – Баллы как ни в чём не бывало продолжил перебитый разговор.

– Кишка тонка, – одобрил его слова Махы, ладонью оттирая выступивший пот со лба. Ахмет забун тоже хотел что-то сказать, но, подняв голову, заметил на лице Оразгелди улыбку, когда речь зашла об Оррам куле.

– Оразгелди акга, отчего ты улыбаешься?

– А что же ещё нам остается, кроме улыбки, когда видишь, как быстро меняются люди.

– Что, нам и в самом деле ничего другого не остаётся? – подвергая сомнению слова Оразгелди, наконец, произнёс Ахмет, про себя же подумал: «Всё же должен быть какой-то иной выход из создавшегося этого положения».

Когда шёл сюда, Ахмет знал, что над этим домом сгущаются тучи, считал виновными в этом Ягды-кемсита и Хардата, про которого в народе с удивлением говорили, что он плотно дружит с Аманом орусом, что даже первые созревшие дыни на своей грядке относит не своим детям, а детям Амана оруса чтобы угодить ему. Ахмет люто ненавидел обоих, поэтому сейчас шёл сюда с намерением посоветоваться, как поступить с этими людьми. И хотя многие баяш-белалары не показывали виду, что новая власть давит на них, тем не менее, были обижены на неё. Вообще-то, если бы кто-то из них вышел вперёд и сказал: «Пошли, ребята, покажем им, на что способны!» и взялся руководить остальными, они были непрочь расправиться с представителями власти на местах, уж слишком те стали зарываться. Но для того, чтобы выйти на тропу войны, одного желания недостаточно. Здесь непременно нужен был совет и напутствие Кымыш-дузчы, который был старше всех, много увидевший и знающий.

– А вы будьте умнее, парни, – заговорил Кымыш-дузчы тоном советника. – Люди разные бывают, среди них есть и порядочные, но есть и плохие, есть и трусы, есть и смельчаки. Пусть, кто хочет, смеётся, видно, хватает и завистников, которые не могут вынести чужого благополучия. Пока вас персонально не трогают, живите спокойно. Бог ведь всё видит, не зря туркмены говорят: «Подбрось яблоко в небо, пока оно падает вниз, всё может измениться». Вы же видите, как волею судьбы те, кто ещё вчера был нищ и голоден, был никем, сегодня оказались во власти, другими людьми руководят. Когда Аллах хочет кому-то помочь, он всегда найдёт путь. Без воли Всевышнего на Земле ничего не происходит. И нам эту судьбу не кто-то вручил, это Господь ниспослал её. Может, оно и к лучшему. Он сам хорошо знает, что делать. Говорят, Аллах удивляется: «Почему раб Божий, когда я ему даю, хватает меня за ноги? Я ведь поддерживаю его!» Это же обменная ложка, сегодня она в твоих руках, а завтра может оказаться в руках совсем другого человека. Сейчас эта ложка в других руках, и пока не наступит ваша очередь, лучше всего не высовываться, напротив, поддакивать им, лишь бы не трогали.

– Ай, вряд ли к нам хоть когда-нибудь вернётся наша прежняя жизнь, – горестно заявил Оразгылыч, и в голосе его прозвучали обида и безнадежность. Перед тем, как заговорить, он долго откашливался, прочищал горло. После его слов наступила тишина, лица у всех были задумчивы, было понятно, что они согласны с этим утверждением. Ахмет немного подвинулся вперёд, и когда разговор снова зашёл о тех, кто сейчас у власти, он так и не понял увещающей речи старшего родственника, призывавшего к терпеливому ожиданию невесть чего. Он был убеждён, что сейчас самое время кое-кого поставить на место, дать по мозгам.

– Кымыш акга, мне кажется, что это Хардат наговаривает на вашу семью, потом, есть ещё пара-тройка приспешников кемсита, которым можно было бы как-нибудь ночью свернуть шею. Иначе они и дальше, прикрываясь новой властью, будут бесчинствовать.

Слова Ахмета остались без ответа, повисли в воздухе, и лишь спустя какое-то время снова заговорил Кымыш:

– Не стоит этого делать, Ахмет!

– Но ведь тогда они не успокоятся!

– Даже если и так, то, что предлагаешь ты, не выход.

– Ну, тогда сами укажите нам путь! – вступил в разговор и Баллы, давая понять, что является единомышленником Ахмета-забуна.

Кымыш-дузчы видел, как волнуются его родственники, тем не менее, оставил без ответа их мнение, хотя в душе и был с ними согласен. И когда Оразгелди, до сих пор сидевший молча, погрузившись в свои мысли, заговорил, всё внимание собравшихся переключилось на него. Он сидел ближе всех к лампе, поэтому его лицо казалось спрятанным за дымкой тумана.

Человеческий разум сродни куриному zobу, в который птица складывает что ни попадя – камешки, кусочки мела, зернышки, забытые девчушками на песке бусинки, оторванные пуговицы, – чего только в нём нет...

Содержать народ в тюрьмах и подвергать пыткам, целыми семьями вместе с детьми ссылая в неведомые дали... года два три до тридцатых годов вроде бы всё это поутихло, но теперь началось ещё с новой силой. Причём, как казалось, теперь все эти гонения приобрели злоеший характер. И было непонятно, когда этой бойне придёт конец.

Когда Оразгелди рассказал об этом, объясняя действия Хардата, его слова произвели на собравшихся примерно одинаковое впечатление. Но Ахмет на этом не успокоился, он снова придвинулся вперёд и заговорил первым:

Оразгелди акга, мы задевали только тех, кто задевал нас, мы отомстили им.

Он произнёс эти слова, убеждённый в своей правоте. На лицо Сахетдурды набежала тень: – Мы сделали только то, что должны были сделать.

Кымыш-дузчы порадовало согласие его племянников с его сыновьями, то, что они ощущают кровное родство.

Но сейчас, когда правят народом большевики, использовать эту силу, это единение не было никакой возможности. В противном случае, это было бы похоже на то, будто ты сам себя поджигаешь. И потом, Кымыш-дузчы видел, как в последние годы редуют ряды людей, умеющих отвечать за свои слова, некоторые же, словно давно готовились к этому, немедленно приспособились к новой обстановке. И хотя кое-кто на словах оставался прежним и изображал близость, чувствовалось, что и от них не стоит ждать никакой поддержки.

Недоверие, возникшее между людьми с приходом большевиков, разрасталось, словно сорная трава. Гонения, которым в эти дни подвергались люди, невольно порождали грустные мысли: «Неужели руководители из Кремля ложатся вечером спать с мыслью: чтобы ещё такое устроить людям завтра, какой вред им причинить?».

Время стремительно несло к отметке, запечатлённой в истории под названием тридцать седьмые, – годам, отмеченным наивысшим террором и репрессиями. Считанные годы оставались до этого страшного времени. В селе многих богачей раздели до нитки, отняв у них скот, землю и воду, но и этого им казалось мало, надо было под каким-то предлогом до конца истребить народ. Собственно, советские должностные лица не очень-то и искали свои жертвы, они не хватили таких людей за шиворот, зато при каждом удобном случае не упускали возможности назвать их представителями класса угнетателей и запутавшимися в сетях религии. И то, что единоличные крестьянские хозяйства сами себя обихаживали, лучше колхозников умели возделывать землю, использовать воду, большевики считали для себя унижением.

И хотя они никому не лезли в глаза, не выпячивали свои способности, семья Кымыш-дузчы числилась среди тех, кто был не по нраву новой власти. И хотя было непонятно, что ещё нужно новой власти от состоятельных людей, Кымыш-дузчы старался донести до земляков то хорошее, что принесли советы, если только сам верил в это. К тому же он был человеком, которого уважали и слушались люди, у него по любому вопросу было своё мнение. Не задумываясь над тем, что кому-то могут не понравиться его слова, он прямо говорил обо всём, что нравилось ему самому. Например, Кымышу-дузчы нравилось, что новая власть привела в село образованного человека, чтобы тот обучал грамоте ребятишек. Нравилось Кымышу и то, что новая власть поставила небольшой домик, побелила его, а внутрь усадила доктора в белом халате по имени Марь Иван, которая будет лечить жителей села от всех болезней – глаза, лысых, слепых, хромых, кривых.

А если кто-то кривил рот, видя во всём этом проделки беса, он говорил: «Эй, люди, если кто-то делает хорошее, не стоит его бить по рукам, радуйтесь, если избавят вас хотя бы от одной болезни. И уж если на то пошло, сельский знахарь Нобат-табип при всём своем желании не в состоянии обслужить всех, и потом, узнав о его чудесах, люди приезжают и из соседних сёл. Это ведь путь благоденствия, значит, путь Бога. Поэтому надо называть бесами не тех, кто творит добро, совершает благие дела, а тех, кто мешает им, встаёт на их пути». Он с удовольствием вставал на защиту добрых дел советов и старался приобщить к этому и своих односельчан.

Народу помнится и его разговор с Парлан баем, случившийся среди людей, собравшихся посмотреть на то, как вспахивает землю появившийся в селе первый трактор. Народ считал Парлан бая одним из тех, к чьему мнению прислушиваются, чьи предсказания чаще всего сбываются. В этом мнении утвердили людей и его действия, предпринятые после того, как на село пришла и укрепилась советская власть. Несмотря на то, что Ягды-кемсит сдал ОГПУ двух его младших братьев как представителей класса угнетателей, Парлан бай после этих поисков крыши для своей семьи женил своего старшего сына на его сестре и тем самым породнился с ним. Когда же кто-то из близких стариков упрекал его, говоря: «Вместо того, чтобы мстить, ты породнился с этими людьми», он отвечал: «А я решил, что лучше быть внутри врага, чем снаружи», объяснив, что тем самым постарался оградить себя и своих детей от преследований. И он не ошибся, с тех пор никто не смел даже близко подойти к его семье. Напротив, когда вставал вопрос о сроках начала сева и стрижки овец, Ягды-кемсит советовал людям:

– Идите, спросите у такого опытного человека, как Парлан ага! – отдавая ему почести как стороне сватов.

... В тот день, прослышав о том, что появившийся трактор вспахивает землю на краю села, толпа людей собралась там, чтобы своими глазами посмотреть на это невиданное чудо. Вернее, трактор-то они уже видели, но то, как он взрыхляет землю, для них было невидалью, чем-то нереальным.

Восточный ветер доносил плеск волн Мургаба, влагу, пропитанную запахами свежеспаханной земли. Собравшиеся отовсюду люди, толпясь у края поля, удивлённо следили за работой трактора. Кто-то восхищался тем, как трактор, волоча за собой соху, самостоятельно выполнял работу, которую должны были делать сто человек с лопатами. Управлял этой махиной полноватый, краснолицый, с седыми волосами русский человек по фамилии Волков, пригнавший трактор из города, а рядом с ним в кабине сидел взятый в ученики сельский юноша Ораз, сын Агаджана мурта.

Накинув поверх старенького домотканого дона⁹ из верблюжьей шерсти, Кымыш-дузчы тоже находился среди односельчан, пришедших посмотреть на работу трактора. Взяв в руки горсть мягкой земли из пашни, пальцами растёр её на ладони, думая о том, насколько машина облегчает ручной труд, и это радовало его. Парлан бай, стоявший в сторонке в окружении трёх-четырёх человек, желая узнать мнение Кымыша, обратился к нему:

– Дузчы ага, если этот тяжелый трактор будет так потопчит нашу землю, не получится ли так, что она потом ни на что не будет пригодна?

– Чем это он портит землю? – вопросом на вопрос ответил Кымыш, не совсем понимая, куда клонит его собеседник.

– Но ведь это же тяжелая железная махина, если она будет кружить по полю и продавливает почву, разве не затвердеет после этого земля? А ведь у нас пушистые земли, мы их лишний раз лопатой трогать боимся.

– Бай, конь зарабатывает почести ногами. Видишь же, и этот ноги переставляет ничуть не хуже.

⁹ Дон – халат.

– Что ни говори, яшули, но железного коня трудно сравнивать с живым конём. . . И потом, я говорю о том, что он не годится для обработки полей, напротив, он делает землю жёсткой.

– Ты, может, и имеешь своё мнение, но ведь и русские знают, что делать. Человек, который смастерил железного коня и вдохнул в него жизнь, наверняка знал, на что он должен согдаться. И уж во всяком случае, он знает это лучше нас с тобой.

Хотя Кымышу-дузчы казалось, что он говорил убедительно, после стало понятно, что он всё же задел своими убеждениями самолюбие Парлан бая, когда сказал, что человек, построивший эту машину, знает не хуже нас. Не найдя согласия, Парлан бай, повысив голос, словно оправдываясь перед собравшимися, сказал:

– Знаешь что, яшули, я даже могу поспорить, что этот трактор, вспахав землю, ничего хорошего не добьётся.

– Парлан бай, ты, может, и будешь спорить, но не с нами. Скажи, есть хоть один человек, на спор играя в камешки – дюзюм, обыграл наших гапланцов? А если думаешь, что можешь выиграть, то ошибаешься. Знаешь ведь, наши ещё те спорщики! Тебе известно, что время от времени в нашем кругу появляются спорщики и из другой местности тоже, чтобы переспорить нас, но ещё ни разу им не удалось переспорить наших гапланов. Скажи, где ещё ты такое видел?

Видя, как еще сильнее распаляется его собеседник, Кымыш-дузчы, желая успокоить того, произнёс свои слова с небольшой долей иронии. Однако, вышло наоборот, его визави распался не на шутку, слова Кымыша-дузчы подлили масла в его огонь. Он рассердившись, сказал сгоряча:

– Если от этого трактора будет хоть какая-то польза, я нахлобучу на себя борук¹⁰ жены и пройду по селу! – в сердцах бросил тот.

Собравшиеся восприняли его слова как неуместную шутку, заулыбались.

Видя, как трудится трактор, Кымышу-дузчы хотелось ответить Парлан баю: «В таком случае, люди очень скоро увидят, как ты в боруке жены ходишь по селу», но не стал говорить этого, поступил по-стариковски мудро, не произнёс озорные слова, которые чуть было не сорвались с языка. Ограничился многозначительной улыбкой.

Этот диалог с Парлан баем в народе восприняли так, будто всё было сказано намеренно, с определённой целью, а именно, одобрять всё, что делается советской властью, поддерживать её действия.

Когда на дворе, между двумя домами, появился какой-то шум, словно кто-то с кем-то ссорится, находившиеся в доме люди переглянулись, словно спрашивая: «Что бы это значило?». Вдруг дверь резко распахнулась, и на пороге появились внуки Кымыша-дузчы Аганазар и Алланазар, соревнуясь, кто из них первым добежит до деда. Вбежав в дом, каждый из них сообщил о своём первенстве: «Я первый, да – я первый!»

Эти два внука были гордостью Кымыша-дузчы, его бесконечной радостью. И сами мальчишки считали, что имеют больше, чем другие внуки, прав на любовь деда и бабки.

Где бы ни был Кымыш-дузчы, он с благодарностью Всевышнему любовно произносил имена своих внуков. Всегда просил для них здоровья, благополучия, доброго имени. И тогда перед его мысленным взором возникали эти два мальчика, как два юных жеребца, скакавших по земле. Разница в возрасте у них составляла всего один месяц, поэтому семья одевала их одинаково – белые рубахи, чёрные штанишки, на головах тубетейки с талисманом на макушке. Давая внукам имена, старик постарался, чтобы они были созвучными, поэтому назвал мальчиков Алланазаром и Аганазаром. И вот уже года три-четыре они жили не со своими родителями, а с дедом и бабкой, им было приятно жить рядом с ними в одном доме. А когда мальчишки толкались у входа, стараясь первыми зайти в дом, на лицах домашних появлялись счастливые улыбки.

¹⁰ Борук – головной убор женщин.

И лишь Оразгылыч, которому не нравилось поведение мальчиков, нахмутив брови, обернулся, чтобы урезонить детей:

– Что это за шум, разве нельзя вести себя потише?

Видя, что сын недоволен поведением мальчиков и хочет остановить их, чтобы они пропустили взрослых, Кымыш-дузчы махнул в его сторону рукой, давая понять, что не стоит этого делать:

– Не трогай их, они к своему деду пришли!

А те, не обращая внимания на замечание Оразгылыча, уже пробежали мимо него, подскочили к деду и сразу же заняли места по обе стороны старика.

– Сидите тихо! – сказал и Оразгелди, не желая, чтобы дети слушали разговоры взрослых. Всем своим видом он выражал недовольство, словно хотел сказать: «Идите туда, откуда пришли!». Обиженно посмотрев на Оразгелди, мальчишки крепче прижались к деду. Ласково посмотрев на внуков, Кымыш-дузчы обнял их с двух сторон. Этим жестом он как бы говорил: «Сидите спокойно, я никому не дам вас в обиду». Тем временем Аганазар обратился к деду: «Деда, давайте спать, пусть эти дяди тоже идут домой. Акджагуль и Огулбике уже давно спят в том доме». И в самом деле, время было позднее. Да и сельские ишаки, издающие свои трубные звуки рано утром и поздно вечером, выпустив пар, уже давно умолкли. Со двора не доносился и лай собак, которые обычно присоединялись к рёву ишаков и устраивали какофонию звуков. Мир погрузился в тишину, словно кто-то намеренно увёл подальше всех орущих и лающих животных.

Давно уже наступило время сна, но Кымыш-дузчы всё еще не мог сказать своим пришедшим к нему за советом племянникам ничего путного. Всё его поведение говорило о том, что он не похож на человека, готового в любую минуту подняться, чтобы отправиться в Афганистан. И потом, разве человек, собравшийся переезжать, не позаботится о том, чтобы ничего из имущества не было забыто? Кымыш-дузчы был спокоен, похоже, он совершенно не чувствовал угроз со стороны новой власти, мало того, верил, что она не причинит его семье никакого зла.

После этого гости, переглядываясь друг с другом и испросив у Кымыша-дузчы разрешения, собрались уходить.

В качестве ответа на незаданные вопросы племянников Кымыш-дузчы на прощание сказал: «Бог есть. Он поможет, не даст нас в обиду, Он хорошо знает, что надо делать», дав понять им, что полагается на Бога, и благодарно, тепло распрощался со своими гостями.

Оразгелди с Оразгылычем вышли во двор, чтобы проводить ночных гостей и разойтись по своим домам. Как бы ни старались Кымышы в присутствии родственников казаться спокойными, они давно уже чувствовали, что беда может подкрасться к ним в любую минуту. Вместе с тем они хорошо знали, что, чему бывать, того не миновать. Тем не менее, верили, что выход найдётся прежде, чем случится беда, поэтому не спешили совершать какие-то действия.

Оразгелди и Оразгылыч хорошо знали, если в их дом придёт беда, именно она ляжет на их плечи. В основном они, два брата, должны будут противостоять ей, чтобы защитить стариков и детей. Где-то в сознании подспудно сидела мысль о том, что схватка эта будет непростой, уж слишком силы были неравными.

И уж если на то пошло, ещё был жив Кымыш-дузчы, опора дома, как вожак, который уже не в состоянии вести за собой отару, он всё же напоминал о своём существовании в этой отаре. Да и народ до сих пор не забыл, что они являются потомками Мухамметгылыч сердара, и это тоже прибавляло им авторитета, уважения.

На открытом воздухе ночная прохлада ощущалась особенно остро. А тьма, спустив сверху своё плотное чёрное покрывало, накрыла всё вокруг. И теперь все предметы имели одинаковые очертания и были похожи на эту ночь. Дома, кибитки, виднеющиеся вдали холмы – все они сейчас казались миражами, заготовленными на зиму стогами сена. Растущие вокруг деревья превратились в густой дым, вырывающийся из тамдыра. Вдали шумели воды Мургаба,

с наступлением ночи эти звуки стали сильнее, и от этого казалось, что река изменила своё течение и совсем близко подошла к селу.

Оразгылычу хотелось наедине со старшим братом поговорить о том, что волнует всех, обсудить с ним некоторые вопросы и что-то уточнить. Он считал своего старшего брата человеком более опытным, многое знающим.

На улице, они еще немного продолжили о повседневных заботах.

Разговор начал не Оразгылыч, как он того хотел, а Оразгелди, просовывая руки в рукава накинутого на плечи дона.

– Оразгылыч, ты проверил всходы хлопчатника? Есть там какие-то упущения?

– Да, я был там, всё хорошо, всходы поднялись равномерно.

– Наш хлопчатник немного позже колхозного взошёл... У них-то проблем с семенами не было, поэтому сев они провели раньше нас. А у нас, единоличников, все семена отобрали, поэтому перед началом посевной у нас их не было.

– Наша земля и навозом хорошо удобрена. Ведь осенью, перед тем как отправиться на газы¹¹, ты натаскал навоза вдоволь. Смешавшись со вспаханной землей, удобрение и зимнюю стужу спокойно перенесло...

– Нам бы до того, как на стрижку овец уйти, хотя бы первый полив провести. Успеем...

– Пусть земля немного подсохнет, иначе вода останется на поверхности, не впитается в почву.

– Если мы дадим всходам достаточно воды и удобрений, наш хлопчатник догонит колхозные всходы.

– Тогда, может, нам открыть яму с навозом позади коровника, которую мы в позапрошлом году закрыли, там, наверно, уже перегной образовался.

– И об этом я помню. Думаю, он уже готов, если мы смешаем его с водой и этим раствором зальём поля, наши всходы быстро пойдут в рост. Но не в этот раз, первый полив проведём сейчас, а когда вернёмся со стрижки, дадим растениям еще удобренную воду.

Представив, как зеленеют всходы хлопчатника на их собственном наделе земли, братья разошлись по своим домам.

* * *

Как в степи одни за другими поочередно раскрываются цветы, так и у земледельцев поочередно наступают заботы. То ли оттого, что было просторно, то ли потому, что они были ближе к солнечным лучам, первыми по весне распускались цветы на холмах, покрывая их светло-голубым ковром. Когда же они начинали разбрасывать вокруг себя полусухие листья, это значило, что их очередь прошла, и они говорят другим цветам: «Всё, настала ваша пора!». После этого голубенькие цветочки, будто превратившись в красные цветки с тонкими лепестками, все сразу спускаются с холмов в сторону села. И тогда обочины дорог, склоны холмов, края арыков и оврага становятся красными от маков. Создаётся впечатление, что всё село Союнали, расстелив ковры и паласы, замерло в ожидании дорогого гостя.

Придёт время, и они – маки передадут время цветения сельским деревьям. И тогда каждое из бесчисленных деревьев, покрытых шапкой белых цветов, будет напоминать величавые белые кибитки, приготовленные для встречи невесты. И вот уже перед вами красавец Союнали, наполненный дурманящими запахами белых цветов!

Придёт срок, и они отцветут, а на месте цветков появится завязь будущих плодов, а очередь цветения перейдёт к огурцам, дыням, арбузам, тыкве – плодам, требующим изобильной воды.

¹¹ Газы – земляные работы.

Наступило время весенней стрижки овец, значит, надо отправляться на летнее пастбище. У каждого из сыновей Кымышы-дузчы в отаре было по шестьдесят-семьдесят голов мелкого рогатого скота. Овцы были ещё одним из источников дохода семьи после земледелия. Оразгелди и Оразгылыч ежегодно в это время отправлялись на стрижку овец, а оттуда возвращались нагруженные большими мешками – чувалами с шерстью, и были похожи на купцов, провернувшись удачную сделку.

А затем все связанные с шерстью работы переходили к женской половине семьи и растягивались на много месяцев. Шерсть мыли и взбивали, после чего пряли. Из пряжи вязали носки и варежки, готовили необходимые кушаки и скручивали толстые верёвки – танапы. Закатав рукава платьев, все женщины вместе раскладывали шерсть на камышовой подкладке, сверху из крашеной в разные цвета шерсти раскладывали узоры в виде цветочков и орнаментов. А потом скатывали в рулоне временами обливали кипятком и катали до тех пор, пока не получались кошмы, подстилки, серпики – занавесы из кошмы для верхней открывающейся части кибитки, басырыки – попоны, зуки, используемые также для покрытия верхней части кибитки.

Проснувшись рано утром, Оразгелди вспомнил, что им с братом сегодня предстоит отправиться в путь. Он натянул на себя дон и папаху, решив пойти и ещё раз накормить животных перед дорогой. Сытый ишак легко преодолевает любое расстояние, у него хорошее настроение, поэтому он почувствует себя конём.

Начало светать, и звёзды, ярко светившие всю ночь, начали потихоньку тускнеть, уступая небесную ширь дневному свету. Во дворе у очага уже хлопотала Джемал мама, желая накормить сыновей молоком со сливками перед тем, как они отправятся в дальнюю дорогу. Она уже поставила на огонь котёл с молоком, которое только что, спешно подоив корову, принесла старшая невестка Огулджума. Кымышы-дузчы, обычно встававшего раньше всех, не было видно, но увидев в кормушках скота траву, Оразгелди понял, что отец уже выходил из дома. А сейчас, совершив омовение, пошёл в дом, чтобы прочитать намаз. Оразгылыч тоже уже проснулся, из дома доносилось его бормотанье:

– Ты уже собрала меня в дорогу?!

– Вон, я на всякий случай положила ещё одну смену одежды. А еду мать сложила в хурджун.

– А куда ты дела мой старый просторный дон, который я надеваю во время стрижки овец?

– Ох, чуть не забыла! Сейчас принесу, я вчера его постирала и повесила на улице.

– Думаешь, высох?

– Высох, конечно. На улице нет сырости.

– Ну, иди!

Каждый раз, прежде чем отправиться на стрижку овец, союналийцы собирались у холма в центре села, торчавшего там, словно пупок, и прозванного «холмом спорщиков гапланов». Уже мимо дома Кымышы по одному – по двое начали проезжать на конях и ишаках стригали.

Когда Оразгылыч, прихватив хурджун с вещами, вышел во двор, Оразгелди стоял, поглаживая гриву и седлая своего коня-алашу в скотном дворе.

Постелив кошму на секи – глинобитное возвышение для сидения под деревом, Огулджума уже носила туда сачак и пиалы, ложки и продукты, которые употребляли вместе с молоком.

В доме Кымышей всё еще продолжались последние хлопоты, связанные с проводами двух сыновей. На дороге снова появились два всадника, они не спеша двигались в сторону «холма спорщиков». В седле ишака, возвышаясь, сидел крепкий, квадратный парень. Увидев на выходе со двора, спешащего Оразгылыча, чуть было не упавшего под тяжестью хурджуна, они переглянулись между собой и о чём-то весело заговорили. На лице квадратного юноши на ишаке появилось озорное выражение. Ехидно улыбнувшись, он кивнул в сторону Оразклыча:

– Эй, Кымышы, вы до сих пор спите в обнимку с солнцем? На стрижку не собираетесь?

Хотя это был парень, с которым и прежде обменивались шутками, его утренняя шутка не понравилась Оразгылычу. Не сходя с места, крикнул в ответ:

– Эй, пuzдан, закрой рот, найди кого-нибудь другого для своих словесных упражнений!

– Или вы тоже, как ваш акга отец, не можете оторваться от длинных подолов своих баб?

Не успел парень договорить, как из дома донёлся хрипловатый голос возмущённого Кымыша:

– Ах, негодяй, кто это там?!

Испугавшись голоса старика, шутник наклонился, словно хотел спрятаться, и ладонью запечатал рот. Тем временем на пороге появился и сам Кымыш-дузчы. Узнав парня, стал ласково выговаривать ему:

– А-а... Джумадурды, это ты, оказывается? А ну, повтори ещё раз только что произнесённые слова! Ну, да, весь в своих дядь пошёл! – Последнюю фразу Кымыш произнёс, имея в виду дядей парня, которые тоже любили пошутить, но под его словами имелся совсем другой смысл: «Если бы ты пошёл в отца, не был бы таким, знал бы место и время для таких высказываний!»

Но и те слова молодого человека не были простой шуткой, за ними стоял разговор, который до сих пор при случае вспоминали отдельные односельчане, и связан он был с теми днями, когда Кымыш-дузчы женился.

В тот раз один из друзей Кымыша, сказав, что теперь расходов в доме станет больше, предложил ему: «Друг, возьми чабанскую палку, приходи ко мне чолуком – подпаском, будем пасти чужой скот, из молока делать сарган, а из шерсти – одеяла. А потом и сами заведём по три-четыре овечки». Тот хотел забрать Кымыша с собой в пески. Но Кымыш-дузчы это предложение не устраивало, и он постарался вежливо отказаться.

– Друг, ты меня не трогай, я плохо переношу пустыню.

Однако чабан, вознамерившись любой ценой увести Кымыша с собой, и не думал отступать. В конце концов, Кымыш не выдержал, пришлось ему сообщить истинную причину своего отказа:

– Эй, друг, ты меня не трогай, в сорок лет у меня появилась женщина, и если я сейчас отдалюсь от её подола, ничего хорошего не будет! Уж лучше я буду рядом с ней.

Вот тогда-то и пошли все эти разговоры. И шутка Джумы, который хотел задеть Оразгылыча, как раз была связана с теми разговорами.

А юноша, получивший удовольствие от того, что сумел воспользоваться случаем, чтобы задеть Кымышей, всю дорогу довольно улыбался, временами оглядываясь и как бы спрашивая: «Ну, как я их?!»

Когда Оразгелди во второй раз вошёл в дом, чтобы взять хурджун с вещами, Огулджума заканчивала подшивать рубаху, чтобы он взял её с собой в дорогу, и зубами откусывала нитку. Увидев вошедшего мужа, она оторвалась от своего занятия и взглядом спросила, как у него дела. Стоя у порога и привыкая к темноте комнаты, Оразгелди ладонью отёр со лба выступивший пот. Дети всё ещё находились во власти сладкого сна. Вчера Рахманназар, ревнуя отца ко всем остальным и не желая делить его с кем-либо, лёг рядом с ним, но сейчас откатился и лежал, прижавшись к сундуку у стены. Следующий после него Рахмангулы, заняв люльку старшего брата, сладко посапывал в ней. Временами сладко облизывал губки. С любовью разглядывая сыновей, Оразгелди зевнул, немного потянулся, подумав о том, каким сладким бывает сон на рассвете.

Связанная с неизвестностью, началась тревожная, беспокойная жизнь, и было непонятно, когда и как она закончится. Конечно, ничего хорошего не было в том, что семью не приняли в колхоз, назвав их представителями класса угнетателей. Это было похоже на то, будто часть людей отделили от остальных, сказав им: «Идите, куда хотите, и живите, как хотите!» Больше всего беспокоило всех будущее детей, и если обстановка не изменится, как о том мечтают люди, детям будет особенно трудно. Мысли о судьбе детей не давали покоя, и Оразгелди почувство-

вал, как сильно он любит их, насколько роднее они стали. Хурджун с вещами, который он обычно с легкостью закидывал за спину, оттянул плечо, и Оразгелди понял, что жена, которой было поручено собрать его в дорогу, положила в него много лишнего. Каждый раз, когда сыновья собирались в дорогу, Джемал мама, собирая для них провиант, говорила: «У меня память уже не та, я обязательно что-нибудь забуду. Гелин (невестка), займись этим сама!» – говорила она, обращаясь к Огулджума. Хоть и не говорила старая об этом вслух, но считала, что старшая невестка гораздо проворнее младшей, да и старательнее.

Взвешивая хурджун в руках, Оразгелди бросил недовольный взгляд на жену, которая в это время стояла рядом и торопливо засовывала в карман хурджуна только что подшитую рубаху.

– Наверняка, опять напихала в него сушеной дыни и дынного сухого варенья! – напомнив жене, что она каждый раз таким способом утяжеляет его хурджун, до краёв наполняя его.

Да, собирая мужчин в дорогу, Огулджума помимо продуктов первой необходимости – чая, лепёшек, каурмы – жареной баранины, муки и масла обязательно клала гурт – солёные кисломолочные шарики, чтобы могли бросить в рот и пососать, сушеную дыню – как и сухое варенье из дыни, курагу. Огулджума по взгляду мужа поняла его безмолвный упрёк: «Лучше бы ты это оставила детям, нам-то зачем?»

– Ты о детях не беспокойся, для них тоже всего этого в достатке. И потом, наши дети не очень-то и едят всё это, даже когда перед ними выложишь. Могут захотеть, если увидят у кого-то в руках эти сладости, но в другое время даже не вспоминают о них. Вон, в сарае висит полмешка сушёного урюка прошлогоднего урожая.

Прежде чем выйти из дома, Оразгелди ещё раз окинул комнату взглядом, вспомнив о том, что хотел наказать жене перед уходом:

– Если опять, как в тот раз, какая-то из отданных колхозу коров придёт сюда, немедленно верните её обратно, пусть кто-нибудь из мальчишек отгонит её в колхозный коровник! Не угощайте скотину ни травой, ни водой, иначе она будет всё время возвращаться сюда!

– Но у этих несчастных животы прилипли к хребту, не похоже, что кто-то заботится о них.

– А каким должно быть животное, у которого нет хозяина?..

– Ну, если не считать нашей чёрной коровы, остальные вроде бы уже смирились со своей участью...

– Не хочу знать ни о чёрной корове, ни о пёстрой корове, жена, лишние разговоры нам не нужны. И без того власть не знает, к чему придраться, если дело касается нас, так и ищут, что бы такое сотворить с нами, так что не приближайтесь к ним, будьте как можно дальше! – требовательно произнёс Оразгелди. Чувствовалось, как он разгневан.

С улицы среди сонных детских голосов донёсся голос Джемал мама, которая ласково выговаривала внукам, проснувшимся в такую рань:

– Вы-то что вскочили с постелей, отчего бы вам ещё не поспать?

– Бабушка, а акгам уже уехали в пески?

– Вон, хлопчут, скоро поедут.

– Они и нашего ишака-коня забирают?

– Ну, да, и коня забирают, и ишака, там транспорт им нужен будет.

– А тогда куда мы будем впрягать арбу, когда с дедом поедем на пшеничное поле?

– Не знаю.

– Но ведь дедушка говорил, что мы на телеге поедем.

– Ах, детка, ты хоть не морочь мне голову с утра пораньше! Если с дедом не найдёте, куда впрячь телегу, впряжёте меня!..

Последние слова бабушки Джемал вызвали на лицах у всех невольную улыбку.

Когда Оразгелди во второй раз забросил хурджун на плечо, собираясь уходить, стоявшая рядом с ним Огулджума, желая ему светлой дороги и скорейшего возвращения домой, воспользовавшись тем, что они были одни дома, положила руку на плечо мужа, а головой приникла к его груди. С давних пор, когда Огулджума была молодой невесткой, и по сей день, провожая мужа в путь, если рядом никого не было, она с пониманием и любовью прощалась с ним.

Тем временем со двора снова донёлся голос Джемал мама, недовольной тем, что сыновья задержались в доме и долго не выходят оттуда:

– Что это твой акга, как зашёл в дом, никак не выйдет оттуда, или же с женой расстаться не может, помогает ей отыскать затерявшийся клубок? Кобелиные сыновья с характерами отца, вот они кто. Видно же, в кого они пошли, куда им от этого деться. Понятно же, люди не станут болтать попусту, если на то не будет повода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.